

ВАДИМ САМБОРСКИЙ

цикл романов "ЛИХОЛЕТЬЕ"

Ракета ярко взвилась в
утреннее небо.

Призывный крик "Вперёд
за Ленинград!" нарушил
тишину.

И в тот же миг, округу
оглашая грязным матом,
отчаянно рванула на врага
моя штрафная рота...

ТЕПЛЫЙ СЕНТЯБРЬ

КНИГА II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Самборский
Лихолетье. Книга
II. Теплый сентябрь
Серия «Лихолетье», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55595261

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06007-4

Аннотация

Вторая книга цикла романов "Лихолетье" продолжает рассказ о Владимире Горском, который летом 1942 года оказывается в Ленинграде. На этот раз по заданию командования Владимиру предстоит перейти линию фронта и внедриться в разведывательный орган немцев «Абвер». А самое главное – он должен остаться в живых и победить! Читатель переносится на улицы блокадного города, попадает в штрафную роту, сражающуюся на плацдарме под Усть-Тосно, в ПМП на левом берегу Невы, развёрнутом во время боёв по на печально известном Невском пяточке, на аэродром «Люфтваффе» в Сиверской, в лагерь военнопленных и в разведшколу «Абвера». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие к циклу романов "Лихолетье"	4
Часть I. Тропинка к логову зверя	10
Глава 1. Вступление	10
Глава 2. Командировка в Ленинград	22
Глава 3. Задание	33
Глава 4. Прогулки по городу	41
Глава 5. Случайное знакомство	65
Глава 6. Еще одна встреча	74
Глава 7. Майор ГБ Туров	81
Глава 8. Знакомство и разговор с майором Туровым	86
Глава 9. Разговор Турова с Горским	93
Глава 10. Подготовка к заданию	104
Глава 11. Туров и стажёры	111
Глава 12. Личное дело	117
Глава 13. Начало пути	136
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Предисловие к циклу романов "Лихолетье"

Прожив долгие годы вдали от родных мест, волею судьбы несколько лет назад мне повезло вернуться домой в Россию. Собственно возвращаться то было не куда, т.к. своей семьи у меня к тому времени уже не было. Моя мама жила в однокомнатной квартире в Невском районе Питера и после смерти отца, через пару тройку лет "пустила" к себе жить одинокого вдового старичка. Стеснять своим присутствием их мне совершенно не хотелось. Николай Петрович, так звали нового маминого мужа, как и мой покойный отец, тоже был из моряков и теперь пребывал на заслуженном пенсионе. Переехав в мамину квартиру, он отдал своё жильё детям, оставив себе для души кусок земли с домом, летней кухней и банькой в садоводстве, расположенном совсем недалеко от ж/д станции Васкелово. На этой даче их новая семья и проводила всё своё свободное время, занимаясь различными садовыми делами.

Правда, в моём активе была половина или, как правильно сказать юридическим языком, одна вторая часть доли в небольшом домике с пристроенным сараем и гарантированными шестью сотками на запущенном земельном участке. Небольшая деревенька находилась совсем рядом с извест-

ным всему миру Ладожским озером. Как выяснилось, эта половина деревенского хозяйства уже давно была отписана и должным образом на меня оформлена, о чём было прописано в соответствующей бумаге с гербовой печатью не существующего теперь государства. Дарителями были мои родные дед и бабушка, любимые и почитаемые мною с раннего детства, которые владели этим хозяйством. Вторая половина наследства принадлежала отпрыскам нашего рода, но посещать дом и заниматься на земле им было как-то не досуг. Имея гарантированное место для дальнейшего постоянного проживания, мне пришлось вдоволь "походить" по различным государственным инстанциям и конторам для того, чтобы получить в новенький паспорт гражданина РФ с двуглавой византийской птицей на обложке штамп о прописке в Ленинградской области и скромную пенсию от своей "богодельни".

Для удобства жизни несколько лет мне пришлось снимать небольшую однокомнатную квартиру в одном из спальных районов Петербурга. Потом случилась зимняя автомобильная авария, после которой я буквально чудом остался жив, несколько больничных месяцев проведённых в гипсе и лечении, будничная выписка в середине весны и внезапно наступившая радость жизни. Для полного восстановления организма и сил врачи порекомендовали сменить образ жизни и временно оставить работу. Я, всегда легкий на подъём, быстро собрался и покинул любимый мне город, переве-

зя за один раз весь свой не хитрый скарб, и стал обживать-ся в родовом гнезде, не переставая каждый раз удивляться, казалось бы, знакомым с раннего детства порядкам и образу жизни в неизвестной мне отчизне. В тот же год осенью возникла необходимость привести в порядок прохудившуюся от ладожских ветров и уставшую от времени крышу. Для представления полного объёма ремонтных работ я вынужден был забраться на чердак, который длительное время служил кладовой для различных не нужных предметов быта, древней техники времён СССР и ненужных вещей. Одним словом, я обнаружил много интересного и нужного в хозяйстве, начиная от угольного утюга с коромыслом, заканчивая стареньким холодильником "ЗИЛ" и рабочим телевизором "РЕКОРД"! Но самой значимой для меня находкой оказался дедов сундук, который раньше стоял в его комнатке и с раннего детства мне запомнился как запретный ларец, куда нам, детям, совать свой вездесущий нос было категорически запрещено! Позднее этот старый сундук был спущен с "небес на землю" и возвращён на своё законное в доме место. При беглом осмотре сундука я обнаружил, что внутри лежали и тщательно сохранялись альбомы с фотографиями, своеобразный семейный архив, документы, зашнурованные папки с бумагами, плотные матерчатые свёртки, перевязанные накрест прочным шпагатом, чертежи каких-то приспособлений и узлов, красивые металлические коробочки из под конфет монпасье и чая, выцветшие старые журналы, и другие

на первый взгляд бумажные мелочи. Тут же нашёл альбом со старыми пластинками, вытащив одну из них и подсвечивая себе лучом фонаря, я с удивлением прочитал, что было написано на этикетке – "Наркоммаш СССР, Ногинский завод, 1946 год, "РАССТАВАНИЕ", Джаз-оркестр под управлением Цфасмана, соло Михайлова...". На дне сундука хранилась и потёртая коробка с небольшим патефоном. Признаюсь, что у меня не сразу дошли руки ещё раз поднять крышку и более детально разобрать содержимое этого "ларчика". Лишь спустя время, в один из тёмных зимних дней, мне удалось тщательно просмотреть всё содержимое этого, хранящего семейные тайны, сундука. Среди прочих вещей извлёк из недр сундука большую картонную коробку, в которой среди бумаг нашёл прилично затёртую книжку Джека Лондона в переводе Горфинкеля ещё довоенного издания, подписанную красавице Марии в августе сорок второго года. В той же коробке нашлось дедово письмо, написанное им незадолго до смерти и адресованное лично мне, которое я сразу же убрал в нагрудный карман своей рубашки. Это письмо лежало поверх нескольких канцелярских тетрадей, открыв и прочитав пару страниц одной из которых, я сразу же понял, что это записки-воспоминания, написанные моим дедом в разное время жизни...

Забросив на время свою ревизию, я не удержался и сразу же раскрыл лежащую под тетрадками металлическую коробку из-под привозных заграничных конфет, в которой ока-

зались награды. Сел на бревно чердачной лаги и, подсвечивая себе фонариком, стал рассматривать немного потускневшие от времени ордена и медали. С детства знал, что мой дед Володя и бабушка Мария принимали активное участие в той страшной войне, унёсшей миллионы жизней, но то, что оба были не раз награждены, в тот день я узнал впервые. В семье было не принято говорить о войне, которая своим безжалостным катком жестоко прошла по родным и близким мне людям. Штапованные юбилейные медали рассматривать не захотел и отложил их отдельно. Из наград военной поры разглядел две победные медали, две медали "За оборону Ленинграда", медаль "За Отвагу" на старой прямоугольной колодке с затёртой красной лентой и три ордена "Красная Звезда", и простенькая, на первый взгляд, медаль "За взятие Берлина". Орден "Красное Знамя", лежащий вместе с удостоверением на имя деда, был заключён в небольшую прямоугольную коробочку красного цвета размером не больше ладони. Почему-то этот орден был вручён только в шестьдесят восьмом году. Но больше всего я проникся, когда в мои руки попала партизанская медаль первой степени и орден "Отечественная война" тоже первой степени. Причём этот орден с помощью кольца был подвешен к прямоугольной колодке с красной лентой. Судя по номерам, выбитым на реверсе наград, "Отечка" и "Отвага" были получены в первые два года войны, когда наградами особо не баловали! Также в руки попались три знака, на которые я тоже обратил

своё внимание – это были "Отличник санитарной службы", сильно потёртый и явно довоенный "Отличник РККА" и более поздний, говорящий о многом, знак "50 лет ВЧК-КГБ СССР". Первые два знака в начале сороковых годов ценились не меньше, чем медали. Третий знак, видимо, был вручён деду вместе с "боевиком", когда мне было меньше года от рождения, и навивал в моей голове определённые мысли, догадки и предположения. В этой же коробке лежала потемневшая от времени серебряная табличка-ромб с гравировкой, на которой читалась фамилия деда и дарственная надпись. Прочитав внизу таблички подпись того, кто был дарителем, немало удивился – им оказался знаменитый Лев Захарович! Мехлис!

Зимними днями и вечерами, когда у деревенского жителя бывает много свободного времени, я разбирал бумаги этого своеобразного семейного архива, смотрел фотографии и читал рукописные записки-воспоминания моего деда. Для себя узнал много нового и о том времени и о той войне, которую нынешняя молодежь уже начала немного забывать. Записки из некоторых тетрадей я, как сумел, отредактировал, переписал, дополнил различными справочными данными, кое-что домыслил и теперь решил представить на суд читателя, ведя повествование от первого лица.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Часть I. Тропинка к логову зверя

Глава 1. Вступление

Мне повезло! Уже в который раз за последние несколько лет я смог выбраться из лап костлявой старухи с её смертной косой и остаться в живых. В последний раз безжалостная военная судьба мне улыбнулась после того как немцы, озлобленные нахальным налётом на склад артиллерийских боеприпасов, в середине мая сорок второго в пух и прах раздолбали наш партизанский отряд. Мы, несколько человек, с боем пробились через плотное кольцо, устроенное отрядом егерями и, после нескольких дней мытарств по болотам и бескрайним лесным массивам Западной Белоруссии, добрались до соседнего партизанского отряда, из которого, опять же по воле случая, нас отправили транспортным самолётом на Большую землю. Оказавшись в подмосковном госпитале, я оправился от полученного ранения, пошёл на поправку и уже готовился снова отправиться на войну, как вдруг оказался под пристальным вниманием со стороны наших карающих органов, представители которых увидели в моей скромной персоне скрытого, умело замаскированного предателя и вражеского агента...

Неожиданно, после выпавших на мою долю допросов и

мытарств, дело было прекращено и меня полностью реабилитировали. За время лечения и последующей проверки дошными работниками особого отдела крови выпито было предостаточно – если всё посчитать, то приличное ведро, заполненное до краёв, точно! Сначала вели допросы в палате для выздоравливающих, после улучшения состояния здоровья, меня переселили в отдельную палату и несколько недель я был под охраной. Несмотря на то, что ослабленный организм ещё не полностью оправился от ранения, меня постоянно таскали в отдельный кабинет на беседы, которые больше походили на многочасовые допросы. Мне были предъявлены убойные обвинения – предательство, клевета и ещё многое другое, за что в военное время приговор суда железно гарантировал стенку. Следователи неоднократно делали мне самые не двусмысленные намёки и предложения, предлагая в лучшем варианте срок заключения в виде пятнашки лагерей, а самом худшем варианте расстрельный взвод в самое ближайшее время должен был "намазать" мой лоб своей "лекарственной зелёной"! Но я, более двух лет назад, в полной мере испытавший "общение" с этой братией, упорно отказывался ставить свои подписи на их хитро составленные протоколы, не поддавался на провокации, всячески отвергая все обвинения в свой адрес, и верил, что правда возьмёт верх. Видимо там, на небесах, кто-то за меня сильно молился, и судьба в очередной раз мне благоволила – в конечном итоге наши карающие органы во всём разобрались, и за пол-

ным отсутствием состава преступления дело было прекращено. Меня, к неудовольствию отдельных товарищей, бдительных сверх меры, полностью оправдали (уже во второй раз!), повысили в воинском звании, возвратили на службу и даже представили к правительственной награде.

Следователь, который вёл моё запутанное дело, оказался настоящим чекистом и порядочным мужиком, потому что смог поверить моим "невероятным рассказам и байкам", воспринимаемым другими его коллегами, не иначе как какой-то не реальный бред. Этот "следак", больше похожий на школьного учителя, чем на чекиста, всё основательно записал, изучил и даже разослал запросы. Ему многое удалось выяснить о моём пребывании в 17-м Брестском пограничном отряде перед самым началом вражеского вторжения, первом дне начала войны и о моей более поздней борьбе с фашистами в партизанском отряде в лесах Западной Белоруссии. Следователь нашёл документальное подтверждение многим моим словам почти с самого начала нашей партизанщины, которая началась с конца лета сорок первого года и практически до дня полного разгрома отряда в мае сорок второго года. Тогда, в тихую весеннюю ночь с 10-го на 11-е мая, отряд окружили каратели и после многочасового боя он перестал существовать как боевая единица, за исключением нескольких израненных бойцов и меня, командира отряда, которым удалось пробиться через плотное вражеское кольцо и выжить. Мы отсиделись на болоте, кое-как смогли перевя-

зять свои раны и добраться до соседнего партизанского отряда, откуда спустя несколько дней транспортным "Дугласом" были доставлены на аэродром на Большой земле, откуда сразу же по прилёту вместе с другими ранеными были отправлены на лечение по тыловым госпиталям. Прилёт самолёта в глубокий тыл партизаны давно ждали, но для нас он оказался просто подарком судьбы! Всё изложенное мною было отправлено этим дотошным следователем в Штаб партизанского движения, в разведывательный отдел РККА, Управление НКВД и в другие менее значимые Наркоматы...

Как сейчас помню одну из наших "бесед" с этим человеком:

Ты пойми! отбросив все присущие работникам этого ведомства фамильярности и нарушая инструкцию ведения допроса, говорил мне следователь. Есть чётко прописанная процедура по проверке всех лиц, находившихся во вражеском плену или на временно оккупированных наших территориях на предмет сотрудничества с фашистскими спец.службами. Такая проверка по времени может занимать от нескольких недель до нескольких месяцев. Твой случай особый! И я пока не располагаю данными, что вы были перед самым началом войны на территории Брестской области и в самом городе Брест, где якобы выполняли задания нашего ведомства. Нет никаких документов, подтверждающих, что вы встретили врага 22 июня 1941 года на одной из пограничных застав 17-го Брестского ПО, принимали участие в боях в со-

ставе этой пограничной заставы, а затем после соответствующего приказа отошли с линии границы и далее отступали с нашими частями вглубь страны. Как и нет подтверждения тому, что вы воевали в составе сводного пограничного полка, попали в окружение, оказались на временно оккупированной врагом территории и стали заниматься диверсиями в немецком тылу. Более того у меня нет никаких данных о том, что вы были в партизанском отряде, возглавили этот отряд, состоящий из таких же как вы "окруженцев", гражданских лиц и пленных красноармейцев. Отсутствуют какие бы-то ни было сведения, подтверждающие что ваш, якобы отряд вёл полноценные боевые действия в тылу немецкой армии и наносил врагу большой урон.

Немецкое командование оценило наши головы и назначало за них большую денежную награду в рейхсмарках! Это же можно проверить... Их листовки, думаю, до сих пор развешаны по деревьям на всех столбах и плетнях. Через соседний отряд мы регулярно отправляли на Большую землю разведданные и свои отчёты о проделанной работе! В конце концов, есть же свидетели! Расспросите доставленных самолётом вместе со мной партизан. В тыл нас вывезли вместе с другими ранеными. Или вы гражданин следовательно, сейчас скажете мне, что делать вам больше нечего, как кого-то или что-то искать в этой военной неразберихе? перебиваю следователя.

На сегодняшний день это только ваши слова, и я могу ска-

зять только одно – ваш непосредственный начальник капитан ГБ Краевский Александр Иванович пропал без вести 22 июня 1941 года. О его судьбе ничего не известно. Пограничники пока тоже молчат – ответа нет. На мой запрос, отправленный в Штаб партизанского движения, пришёл лаконичный ответ, что они о вашем отряде не знают! Как и не знают и о том, какие боевые действия в немецком тылу вы вели. По их данным такой партизанский отряд в списках Штаба никогда не значился! выслушав мои аргументы, следовательно спокойно продолжает разговор дальше. В подтверждение своих слов он показывает рукой на лежащий перед ним листок с машинописным текстом: Отсюда следует, что всё вами ранее сказанное, подтвердить никто не может. И я не знаю, чем вы на самом деле занимались в Западной Белоруссии почти год. Но я буду проверять всё, что вы написали мне здесь своей рукой. Вас, гражданин Горский, пока спасает только то, что вы и нескольких раненых бойцов сюда были доставлены нашим транспортником, как вы говорите, на Большую землю. Я вам обещаю, что лично опрошусь экипаж "извозчика", постараюсь разыскать и допросить всех раненных, которые вместе с вами были доставлены тем рейсом в наш тыл.

Я тогда в первый раз услышал слово "воздушный извозчик", которым следовательно назвал тихоходный транспортный самолёт...

Товари... извините, гражданин следовательно, разрешите мне ещё раз рассказать и дополнить один эпизод из нашей

боевой деятельности? спрашиваю разрешения у следователя.

Ладно, валяйте, только говорите кратко и по существу. А то у меня в "ДЕЛЕ" подшито столько всяких эпизодов, которые вы собственноручно описали, что когда их читаю, только диву даюсь – почему мы ещё не в Берлине, а вы не герой СССР? ВЫ не знаете? следователь устало улыбнулся уголками своих губ.

Не обращая внимания на его шутливо язвительный тон, начинаю рассказывать:

Почти перед самым разгромом отряда нам удалось удачно провести одну почти не выполнимую по замыслу операцию. Наша разведка обнаружила в глухом лесу, тщательно скрытый от посторонних глаз, немецкий перевалочный артиллерийский склад. Мои разведчики долго присматривали за этим местом, изучали подходы, фиксировали то, что немцы туда привозят и отправляют. Мы давно уже планировали сделать налёт на этот склад и взорвать всё, что там лежит. В последний раз разведгруппа засекла несколько грузовиков, прибывших на склад, с не совсем обычной тактической эмблемой. На крыльях машин был нарисован небольшой знак в виде розового слона, у водителей и солдат сопровождения окантовка погон и петлички на форме сильно отличались от тех, что нам доводилось видеть у немецких солдат ранее. Охрана этих грузовиков была в несколько раз больше обычной, когда привозят на склад простые бое-

припасы. Всегда на разгрузку ящиков привлекают бывших наших пленных, выразивших желание добровольно служить немцам, с повязками "ХИВИ" на рукавах одежды. В этот раз ящики разгружали сами солдаты Вермахта, более того, им зачем-то выдали противогазы. За ходом всей разгрузки следил офицер в полевой форме войск SS. Все ящики уносили в отдельно стоящий сарай, у которого был выставлен постоянный пост охраны. Зачем? Ясное дело, что склад доставили или химические боеприпасы или ещё хуже – бактериологическое оружие. Не буду вдаваться в подробности, но нам удалось раздобыть один из ящиков, на крышке которого тоже был намалёван слон. У себя в лагере мы вскрывать ящик не рискнули, мало ли что может случиться, а людей жалко. По моей команде бойцы отнесли этот груз далеко в лес, где с большими мерами предосторожности открыли крышку. Руководил этим делом сержант войск противохимической защиты, у которого очень хорошо получалось в полевых условиях выплавлять тол из неразорвавшихся боеприпасов и лепить взрывчатку – одним словом отрядный умелец! В ящике компактно лежали четыре снарядные головки в надёжной специальной упаковке. Когда наш "химик" увидел, что нам попало в руки, то сначала его лоб покрылся холодной испариной, а руки начали трястись от волнения, охватившего этого, всегда бесстрашного, человека. Придя в себя, сержант озвучил, что это химические боеприпасы, причём, судя по маркировкам, датам на специальной упаковке и на корпусе

самого ящика, выпущены в начале 1941-го года... собираясь с мыслями, я на минуту умолк.

Ну, чего ты замолчал? Давай продолжай! следователь строгим голосом заставляет продолжить рассказ.

Немцы пропажу обнаружили и подняли большой шум! Стали искать. Видимо их высокому начальству явно не улыбалось получать выговора и ехать продолжать службу на восточном фронте. Пытаясь всё исправить, против нас был брошен целый батальон горных егерей, который специально тормознули на ж/д станции, задержав отправку на фронт. Им была поставлена задача – прочесать всю округу, найти в лесу и уничтожить "русиш-бандит", а главное, вернуть на место секретную пропажу. Для егерей эта операция была чем-то вроде очередных учений или прогулки по весеннему лесу.

После совещания мы сразу же решили, что такой "груз" должен быть немедленно отправлен в Москву, прекрасно понимая, что с "химией" шутки плохи, особенно на войне. Поэтому через пару дней я выделил шестерых бойцов и приказал им пробиться через лес и болото к соседнему партизанскому отряду, у которого по нашим данным была постоянная связь с Москвой. Обеспечить приём самолёта – задача не сложная, главное только найти в лесу подходящее место для полевого аэродрома, от волнения за пережитое опять прерываю свой рассказ и прошу у следователя разрешение выпить стакан воды. Бери, наливай воду в стакан, вон из чайника и пей сколько душе угодно. Тут тебе не на Арбате, вода бес-

платная, он ждёт, пока я залпом глотаю целый стакан воды, потом второй, затем произносит: Что было дальше? Вам удалось доставить этот злополучный ящик в отряд?

Так точно, доставили! быстро отвечаю следователю. Нашим парням без приключений удалось дойти до соседей в отряд, которым командует товарищ «П». "Соседи" прониклись, в просьбе не отказали, приняли наших бойцов со всем радушием, связались с Центром и всё обстоятельно доложили. Самолёт из Москвы прилетел неожиданно быстро!

Ну, самолёт и самолёт... прилетел, улетел! Не тяни кота за причинное место. Долетел самолёт с вашим грузом? спрашивает следователь.

Самолёт долетел, это я знаю точно! Мои ребята должны были вернуться в отряд только после того, как придёт подтверждение из Центра, что груз уже на месте. А теперь самое главное – когда делается вскрытие ящика с находящимися в нём химическими боеприпасами или контейнерами с дрянью подобного рода, то внутри к содержимому всегда прилагается специальный формуляр, в который по правилам хранения в обязательном порядке вносится соответствующая запись о вскрытии, ставится дата и подпись вскрывавшего. Поэтому если найдётся ящик, а он не мог просто так пропасть, ведь ящик то не совсем обычный, на формуляре должна стоять моя подпись с расшифровкой "Горский", как командира, подпись нашего химика, тоже с расшифровкой "Чесноков". Внутри ящика нами были положены ещё

несколько "шильдов", срезанных с других ящиков из того же штабеля. Одна из головок боеприпаса была специально обёрнута плотной бумагой, на которой химическим карандашом написано подробное описание и рисунок тактического знака, солдатский погон с окантовкой бордового цвета, там же записаны номера грузовиков, которые привезли на склад эту химию. На листе также стоят наши подписи и даже поставлена печать отряда!

То есть, ты хочешь сказать, что вы даже свою отрядную печать завели? В первый раз о таком слышу!!! удивляется "следак"

А чего такого – нашёлся в отряде один умелец, в детстве резьбой по дереву занимался. С помощью опасной бритвы и простого перочинного ножика из резинового каблука от ботинка он вырезал круглую печать со звездой и названием отряда "СМЕРТЬ ВРАГУ!" Красное знамя, журнал боевых действий, печать отряда, Присяга бойца-партизана и всё остальное, что положено по уставу РККА – в отряде было и выполнялось неукоснительно! Мы же не махновцы какие-нибудь, а представители Советской власти в лице Красной Армии. А ещё мне пришлось командованию этого отряда передать всех наших связных, помощников и сочувствующих в городе, в деревнях, сёлах и на хуторах. Все связи, пароли и явки.

Следователь сразу же врубился и, протягивая мне чистый лист бумаги, приказал:

Вот тебе лист бумаги. Рисуй, как печать отряда выглядела – это первое. Второе – мне нужно, чтобы вся эта история с похищением химического оружия была в мельчайших подробностях, со всеми датами написана в письменной форме. Буду у своего начальства, ещё раз доложу о вновь открывшихся обстоятельствах по твоему делу, сделаю запросы и попробую во всём разобраться. Если будет надо, то подам рапорт на имя замнаркома Круглова. Он, как раз, сейчас курирует проверки таких бедолаг, как ты...

Этот чекист сдержал своё слово и действительно во всём разобрался! А ведь мог всё спустить на тормозах и вклеить мне полновесную десятку, а потом отправить во вновь образованную штрафную роту или в штрафной батальон сроком на три месяца, чтобы искупил кровью "свою вину" перед Родиной...

Пока я лечился в госпитале и находился под надзором, был издан знаменитый июльский приказ, который буквально отрезвил многие головы в Армии, во Флоте и в нашем тылу своим содержанием и четкой формулировкой.

Глава 2. Командировка в Ленинград

В моём "деле" действительно разобрались! Следователь с простой русской фамилией Семенцов какое-то время не давал о себе знать, а потом неожиданно нагрянул ко мне в госпиталь и при всех ранбольных, некоторые из которых откровенно косо смотрели в мою сторону, от лица всесильных карающих органов принёс мне свои извинения за причинённые неудобства. Этот же следователь выдал мне новые документы и несколько подтверждающих справок, крепко пожал мне руку, пожелал успехов и степенно удалился...

После выписки из госпиталя руководство временно выделило мне койко-место в общежитии, предоставив на отдых и обустройство личных дел трое суток отпуска. Ровно через трое суток ранним утром дежурному по общежитию позвонили из Управления. Я подошел к настенному аппарату, приложил к уху телефонную трубку и услышал в наушнике бесстрастный строгий голос, сообщивший, что сегодня мне надлежит срочно прибыть к новому месту службы...

Прибыв в Управление, пришлось написать кучу рапортов и служебных записок для начальства. В конце дня меня вызвали в финансовую часть, где пожилой мужчина в очках с круглыми стёклами и в форме с петлицами лейтенанта ГБ, согласно ведомости, выдал мне под роспись много-много денег – денежное содержание более чем за год службы. При-

чём командование мелочиться не стало и выплатило "зарплату" младшего лейтенанта ГБ согласно специального звания, к которому я был представлен ещё в начале июня прошлого года. На складах ОВС и ПФС меня переодели в новенькую командирскую форму и выдали шикарный продуктовый набор. Потом я проследовал в Кадровое бюро, где меня как оперативника, знающего город и довоенную обстановку, отправили в командировку в Ленинград...

Как выяснилось позднее, питерское руководство НКВД обратилось в Главное управление и попросило по возможности прислать кого-нибудь имеющего опыт внедрения в уголовную среду, и чтобы оперативный сотрудник был не из местных. Моя кандидатура подходила как нельзя лучше, и мне было поручено помочь вывести на чистую воду банду уголовников, действующую в городе уже достаточно давно. Эти бандиты нагло и дерзко совершали разбойные нападения, занимались грабежами, не гнушались подделкой продуктовых карточек и талонов – одним словом полный букет! Местное руководство обоснованно считало, что бандиты в тёмную активно сотрудничают с немецкой разведкой, которая перед войной сумела напичкать город своей агентурой, да и сейчас привлекает для своих дел большую массу сочувствующих Гитлеру горожан, не довольных Советской властью. За относительно не большую плату, продукты и гарантии устроить судьбу в будущем, эти мерзавцы оказывают свою посильную помощь немецкому "Абверу"...

Будучи в Ленинграде, перед самым началом зимнего конфликта с Финляндией мне, по "знакомству", удалось "попасть" в одну из самых весомых банд с Васильевского острова, наводившую страх на всю округу. Освоившись в банде и достаточно пожив на её малине, я изучил состав банды и даже принял участие в нескольких, продуманных до мелочей, "экспроприациях". Уже тогда мне смутно начало казаться, что за всем стоит чья-то сильная и умелая "вражеская рука"...

Теперь же весной-летом 1942 года, едва отошедшие от недоедания и голода местные чекисты зацепили слабый кончик, я бы сказал, малый следок этой банды, и надо было закончить операцию с помощью внедрённого в состав банды сотрудника, которым пришлось мне стать...

Из газет было известно, что ленинградцы пережили жесточайшую первую блокадную зиму и выстояли, а теперь уже август и с продуктами стало легче. Продовольственные нормы заметно окрепли, иждивенцев и детей по распоряжению руководства города без перерыва вывозят через Ладогу на Большую землю.

Я был рад и этому заданию – мне хотелось начать работать "по своей специальности" и приносить свою посильную пользу на алтарь нашей победы. В отделе кадров мне выписали предписание и все другие, необходимые для поездки документы. Дежурная машина Управления доставила меня на аэродром, с которого наши транспортные самолёты регуляр-

но совершали рейсы в осаждённый Ленинград. На аэродроме меня встретил дежурный по полётам, проверил мои документы и предложил сходить в лётную столовку и поужинать, пока будут утрясены все необходимые формальности для полёта. От ужина вежливо отказался – в полёте трясёт и болтает, а "блевать" в салоне самолёта совсем не хотелось. Решил постоять на улице и подышать свежим воздухом. Взору представилась обычная предполётная суета. Рассматривая работу аэродромной obsługi, разглядел, как чумазные техники деловито суetyтся возле моторов, оружейники носят внутрь машины ленты с блестящими патронами для куполообразной пулемётной установки, стеклянным шаром возвышающейся над корпусам транспортника, как шофёр в промасленном комбинезоне с длинным шлангом в руках, идущим от его топливозаправщика, стоит в ожидании, когда ему махнут рукой, что уже можно заправлять баки краснозвёздного американского "Дугласа", как несколько бойцов в форме войск НКВД загружают внутрь салона какие-то тяжёлые ящики и огромные тюки. О содержании этого специального груза не подозревают даже члены экипажа и уж подавно мы, пассажиры этого рейса, которых набралось вместе со мной шесть человек. Самое паршивое, что перед самым взлётом дежурный всех "обрадовал", что лететь предстоит без воздушного сопровождения истребителей почти весь маршрут. Когда запустили моторы, из кабины пилотов в салон вышел второй пилот и быстро, ни на кого не обращая внимания, прошагал в

хвост самолёта, ругаясь, что "родные краснопёрые грузчики" оставили совсем уж узкий проход. Несколько минут он там возился, что-то искал и вытаскивал, а потом появился в салоне, неся перед собой большой ворох какого-то тряпья. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в руках у лётчика обычные довоенные солдатские одеяла, которые он стал раздавать пассажирам.

"Зачем мне одеяло, ведь лето на дворе и тепло", мелькнула мысль в моём мозгу. Очевидно, такие мысли возникли и у всех остальных пассажиров, судя по тому с какой неохотой они принимали одеяла из рук лётчика.

Второй пилот, предвидя такую реакцию "пассажиров", пытаясь перекричать работу моторов, объяснил, что раз мы летим без охранного эскорта, то придётся забраться на приличную высоту, а погода там совсем не летняя, и эти одеяла лишь то малое, чем их любезный экипаж может помочь нам, пассажирам, чтобы мы не совсем "задубели". Иллюзии по поводу тёплой летней погоды сразу же куда-то улетучились. Лётчик сообщил, что когда самолёт достигнет берегов Ладожского озера, то в целях маскировки самолёт будет лететь над самой водой, практически на бреющем полёте и добавил, что в Питере ещё темнеет поздно и будет светло, поэтому пассажиры смогут рассмотреть все красоты огромного озера. В завершении всего он сказал, что полёт продлится не более трёх часов. Успокоил! Из своего опыта войны я знал, немецкие лётчики-истребители по ночам стараются не

летать. "Интересно, а финские "соколы" тоже придерживаются таких же правил?" в голове почему-то сам собою возник такой вопрос и тут же ещё один: Почему нам не выдали парашюты?". Успокоил себя тем, что эти парни летают в Ленинград на своём "извозчике" уже не в первый раз, и надо просто положиться на их опыт, мастерство и везение.

Самолёт тихо стал вырубивать на взлётную полосу, протяжно запели на крыльях оба мотора, самолёт начал разбег, набрал нужную скорость и плавно взлетел. Командир транспортника сразу же принял решение набрать заоблачную высоту и далее продолжить полёт ещё на большей высоте. Мрак, темнота за бортом, а в ночном небе над облаками видны только звёзды.

Нам повезло – долетели благополучно и без приключений! Не смотря на выданные нам одеяла, все немного продрогли от холода на высоте – совсем пустяки, обращать внимание на которые, совсем не хотелось. Когда долетели, в Ленинграде было раннее утро. Экипаж мягко посадил грузёную машину на посадочную полосу Комендантского аэродрома, который расположен в полях, на окраине большого города. Грузёный "Дуглас" тяжело гудя натруженными движками и управляясь рулями, неторопливо "зарулил" на отведённое ему стояночное место, заглушил свои моторы, успокоился и замер.

Дружно сказав лётчикам спасибо за мягкую посадку и полет, мы вернули обратно одеяла тому же члену экипажа, что

нам их выдал, и все по очереди стали покидать салон самолёта. На выходе с аэродрома меня уже ждали двое сотрудников, которые после проверки документов, знакомства и рукопожатия, предложили мне проследовать к старенькой, заезженной и немного помятой "Эмке", которая стояла почти на самом выезде с аэродрома. Я так понял, в целях маскировки парни, не стали лихо выруливать прямо к трапу самолёта и там встречать командировочного пассажира.

Как я сказал ранее, перед самой командировкой я получил денежный аттестат и предпочёл на себя родимого потратить какое-то количество денег. После лесной жизни захотелось хоть немного почувствовать себя не военным, а гражданским человеком. Так же мне выдали талоны на одежду, по которым можно было приобрести различные носильные вещи и обувь, что я и сделал, в свои выходные, изрядно помогавшись в походах за разными "шмотками". Буквально накануне вылета в командировку мне удалось купить добротный костюм из ткани тёмного цвета, несколько рубашек, модный джемпер и туфли на выход. Для повседневного ношения на "толкучке" прикупил простенький, мало ношенный костюм, пару рубашек не первой носки со стираными воротничками и разношенные, но ещё крепкие, полуботинки выпущенные фабрикой "Скороход". Все обновки я взял с собой в командировку, компактно уложив вещи в небольшой фибровый чемодан. Ношенный костюм был одет в дорогу, на лацкан пиджака привинтил знак об окончании технического ВУЗа,

благо монетные дворы Москвы и Ленинграда перед войной их массово наштамповали для выпускников. На глаза надел "очки-велосипедки" с простыми круглыми стёклами в тонкой оправе, модная кепка "восьмиклинка" на голове должна была защитить от питерского дождя и непогоды. Надранные до блеска скороходовские "корочки" были самой подходящей для такого города обувью.

Весь мой внешний вид говорил о том, что в Ленинград по неотложному делу прилетел какой-то технический специалист с командировочным чемоданом и, судя по очкам и значку, дюже образованный в своём деле человек. Этот цивилизный вид немного смутил встречающих, которые сначала меня совсем проигнорировали, приняв бог знает за кого, и лишь только после того, как мне пришлось их негромко окликнуть, подошли ко мне. При проверке документов встречающих сильно насторожило моё более-менее сытое лицо, которое несколько округлилось от регулярного приёма лекарств, трёх разового питания, госпитального режима и лечебной гимнастики. За пару месяцев лежания моя партизанская худоба практически сошла на нет. Тело приобрело почти довоенный вид, и это невзирая на то, что в госпитальный паёк не входят разносолы и деликатесы. В Ленинграде в то время народ выглядел совсем по-другому, на что я обратил внимание ещё на аэродроме, увидев худые измученные лица и заострённые носы у встречающих меня сотрудников Управления.

Из рассказов питерских коллег я знал, что блокадная зима, для всех, кто остался в городе, далась тяжело, да и сам город поразил постоянно ощущаемой суровостью военного быта. Зато отлично видно, что на улицах нет грязи и чисто, причём чисто по всему маршруту, где мы ехали на неприметной "Эмке". Обратил внимание, что всё, что должно было быть не видимым для постороннего взгляда, было тщательно замаскировано. Окна домов и зданий занавешены изнутри плотной светонепроницаемой тканью, стёкла снаружи оклеены крест на крест бумажными полосками. По дороге мне сказали, что в городе действует комендантский час, и патрули дежурят на всех главных проспектах и улицах. Жителей очень мало – в основном попадаются военные и небольшое количество разных служащих, спешащих по своим делам, праздно болтающихся по улицам людей не видно. Поразили яркие театральные афиши и объявления кинозалов о сеансах, которых очень много было расклеено на специальных афишных тумбах, досках объявлений и стенах домов. В нескольких местах увидел большие группы горожан, занятые разборкой завалов из кирпича и бетона на месте разбитых домов. Видно, что город не сдаётся, живёт фронтовой жизнью, а главное активно борется с ненавистным врагом! Слышен отсчёт метронома, на стенах видны предупреждающие надписи, работает радио. Сегодняшний город сильно отличается от того Питера осени 1939 года, который запомнился мне красивым и цветущим, эдаким таинственным остро-

вом, о котором я раньше не знал и не ведал, чарующий своей неповторимостью домов, дворцов, гранитных набережных и красивейших мостов со своими жителями и специфической модой.

Сейчас же моему взору открылся город богатырь готовый в любую минуту дать смертельного тумака не прошеному гостю. Мы готовы! Приходите и получите! Весь облик этого богатыря говорит о желании сражаться и победить! Моя командировка не заняла много времени и не запомнилась мне ни чем таких особенным – я помог питерским коллегам поставить жирную точку в их операции. Почти всех фигурантов взяли под стражу, судили и по законам военного времени намазали лоб зелёнкой. На этом моя командировка должна была завершиться, и я уже собрался готовить свой чемодан в обратный путь, уложив в него весь свой не хитрый скарб, но злодейка-судьба всё решила по-своему. Мне пришлось ещё надолго задержаться на ленинградской земле и в очередной раз прилично поиграть в кошки мышки со смертью...

Начало этой истории положило то обстоятельство, когда в начале 1942 года высшим руководством городского Управления НКВД было принято решение задействовать опытных сотрудников и найти действенные методы, с помощью которых можно чувствительно "дать по рукам" обнаглевшей немецкой разведке.

Германский Абвер за последнее время своими дерзкими действиями постоянно наносит ощутимый урон войскам Ле-

нинградского фронта внутри города и в прифронтовой полосе. Командование поручило Управлению НКВД, по возможности, начать активное внедрение наших сотрудников во все структуры немецкой разведки. Прежде всего, необходимо было постараться попасть и стать своим в хорошо известной в узких кругах такой "конторе" как "Абвергруппа -104", действующей при группе армий "СЕВЕР". Она имеет большое количество своих разветвлённых структур и подразделений на временно оккупированных территориях Псковской, Новгородской и Ленинградской областях. Более того, враг постоянно пытается забрасывать в наш тыл своих шпионов и диверсантов, причём счёт агентов идёт на сотни! Одним из участников этой малоизвестной борьбы с врагом выпало стать и мне.

Глава 3. Задание

В тот день, когда мне пришлось писать многочисленные отчёты для руководства, уточняя разные детали и мелочи прошедшей операции, на пятом этаже Большого дома, высившегося своей громадой в начале Володарского проспекта, в кабинете майора Государственной Безопасности Турова Николая Николаевича проводилось совещание. На этом совещании после рассмотрения других не менее важных вопросов, начальник поставил своим подчинёнными не лёгкую задачу, суть которой состояла в том, что надо найти человека, не только согласного рискнуть и отправиться в "гости" к немцам, но ещё и подходящего для этой заброски. Основная цель задания – глубокое внедрение нашего сотрудника в одно из подразделений германской разведки, активно действующей на Ленинградском и Волховском фронтах. Одним словом, этот человек должен был стать для немцев своим. А главное сроки! Как сказали "наверху", что много времени упустили и что этим нужно было заниматься "ещё вчера!"...

Товарищ Комиссар не двусмысленно дал понять, так как это он умеет делать, что "мы" совершенно игнорируем выполнение Приказа от 18 января 1942 года, в соответствии с которым главной задачей Управления является организация диверсий в немецком тылу и активная заброска к ним нашей агентуры, майор озвучил недовольство начальства. Несколь-

ко минут Туров молчал и сосредоточенно что-то писал карандашом у себя на листе большого настольного перекидного календаря, потом стал пересматривать свои бумаги, давая подчинённым спокойно переварить и осмыслить услышанную от него информацию. После несколько затянувшейся паузы Туров оторвал свой взгляд от бумаг, считая, что на осмысление поставленной задачи уже прошло достаточно времени. Желая услышать мнение сотрудников отдела, он задаёт вопрос, адресованный сразу всем присутствующим на совещании:

Какие будут мысли и идеи? Кто из вас готов внести конкретные предложения? Я жду?

Первым, из всех присутствующих в кабинете сотрудников, поднялся со своего места Сергей Сомов, невысокий крепыш с волевым лицом, в форме со знаками различия лейтенанта ГБ, орденом Красной Звезды на левой стороне гимнастёрки, размещённым в центре над нагрудным карманом коверкотовой гимнастёрки, и чётко произнёс:

Разрешите доложить товарищ майор? опустив приставку "государственной безопасности".

Докладывайте! кратко дал разрешение хозяин кабинета.

Соседний отдел совместно с милицией Петроградского и Василеостровского районов пару дней назад завершили операцию по обезвреживанию банды Аркашки Хмурого с "Косухи", за которой четко просматривался след немецкой разведки, продолжил свой доклад крепыш.

Ну, повязали и повязали! что с того? начальник с некоторым раздражением в голосе перебил своего подчинённого. Туров был у руководства и знал об этой операции. Майор не очень любил, когда Комиссар ставил в пример, даже косвенно, сотрудников из других отделов, но в данном случае даже чуть-чуть позавидовал этому успеху коллег.

Я уже два дня как знаю, что наши коллеги отличились. Товарищ лейтенант, пожалуйста, говорите по делу! Где конкретика? продолжил спрашивать "крепыша" майор.

Товарищ майор, сейчас будет и так называемая конкретика, не смущаясь, отвечает лейтенант, давно привыкший к такому "ворчанию" начальника, затем продолжает излагать начальнику своё предложение: К этим нашим коллегам прибыл сотрудник с Большой земли, которого я помню ещё с довоенного времени. Осенью 1940 года ему удалось внедриться в банду "Цезаря" и успешно провести операцию по их уничтожению. После этой операции я ещё несколько раз видел этого парня, здесь у нас в "управе", но потом я его упустил из виду. По-моему он по разнарядке убыл в длительную командировку. Куда-то на Западную Белоруссию или Украину... Товарищ майор ГБ, считаю, что для внедрения в "Абвер" более лучшей кандидатуры нам не найти. Я узнавал, что этот опер действительно очень помог нашим коллегам и теперь готовится к отбытию обратно – он уже закрыл свою командировку и ждёт когда транспортный "Дуглас" его возьмёт на борт.

Кто этот герой? Где остановился? И как я могу его увидеть? глядя в глаза "крепышу", спрашивает подчинённого Туров.

Это младший лейтенант ГБ Владимир Горский. Он временно проживает в комнате, на одной из наших квартир, расположенной рядом с Управлением, продолжил докладывать лейтенант. Товарищ майор, позвоните товарищу Комиссару и попросите его связаться с московским начальством. Пусть они продлят товарищу Горскому его командировку или пусть его, как особо ценного сотрудника, временно "отдадут" нам, так сказать, вернут птенца в родное гнездо. А что, опыт внедрения у него есть! Прекрасно, от и до, знает всю специфику работы под прикрытием. Я на 100% уверен, что немцы должны заинтересоваться таким человеком, но он будет им ещё более интересен, если мы подберём этому парню соответствующую "сладкую" легенду! последними словами лейтенант даёт понять, что свою идею он изложил...

А знаете, товарищ лейтенант, пожалуй, что это здравая идея! Быстро всё сообразил! Молодец, порадовал старика! Туров хвалит "крепыша" и тут же задаёт тому вопрос по делу: Что ещё известно про этого "варяга"?

Товарищ, майор! Я располагаю лишь некоторыми данными на этого, как вы его назвали, "варяга". Из личного дела, которое мне пришлось видеть ещё в 1940 году, я запомнил, что этот Горский отслужил срочную службу в пограничных войсках где-то на Дальнем Востоке. После демобилизации

по Комсомольской путёвке был направлен на учёбу в одну из наших школ особого назначения в Подмоскowie, которую он окончил в середине 1939 года. Знает основы радиодела, имеет в своём запасе несколько прыжков с парашютом, сдал нормы на несколько ступеней ГТО, отлично стреляет из револьвера, сносно владеет польским и немецким языками, но как он сам написал в анкете – польским языком владеет значительно хуже.

Правда ещё тогда я сам видел, как товарищ Горский может сработать под польского местечкового пана, так натурально, что не отличишь от настоящего – у него талант перевоплощения.

При нашей встрече, пару дней назад, здесь в коридоре управы, о себе кратко сказал, что в эту войну воюет от самой границы и почти год был в партизанском отряде, быстро вспомнил лейтенант Сомов, затем продолжил свой доклад:

А самое главное – не надо тратить несколько месяцев на подготовку, а это экономия времени, которого, как вы сказали, товарищ майор, у нас катастрофически нет.

Лишь бы этот Горский согласился на такое рискованное дело, а уж "сладкую" легенду мы ему подготовим. Она будет правдива и реалистична! с такой мыслью майор Туров поднялся со своего начальственного места, рукой отодвинул стул и подошёл к окну, с задумчивым видом он с минуту постоял, глядя в окно, что делается на улице, потом повернулся лицом к подчинённым и произнёс: Товарищи, наше сове-

щение закончено! Все свободны, кроме Сомова.

Туров дождался, когда за последним сотрудником отдела закрылась кабинетная дверь:

Сергей Иванович, давайте мы поступим так – я сейчас, как говорят, не откладывая дела в долгий ящик, поднимусь к Начальнику Управления и поговорю с ним. Думаю, что уговорю товарища Комиссара позвонить в Москву, самому Зам. Наркома, и хоть тот не любит на сторону отдавать своих людей, но нам должен посодействовать. Чувствую, что у нас всё должно получиться там, наверху, Туров поднимает указательный палец руки вверх, тыкая им в потолок, и произносит ещё: Верю, что руководство нас поймёт и пойдёт на встречу, т.к. дело которое мы собираемся проверить, оно того стоит... А вы, Сергей Иванович, пока разыщите товарища Горского, затем под благовидным предлогом задержите его отъезд и пригласите его прибыть ко мне в кабинет на дружескую беседу, скажем... на послезавтра к 14-00. Будем знакомиться!

Будет исполнено, товарищ майор Государственной Безопасности! берёт под козырёк лейтенант и уже собирается покинуть кабинет начальника, но Туров его задерживает у себя ещё на несколько минут: Горскому скажите, что в качестве поощрения за успешно проведённую операцию, у него есть три отгульных дня. Продуктов ему подкиньте. Я сегодня же распоряжусь – сходите и всё получите на складе Управления. Пусть он просто по городу погуляет, памятные места

освежит в своей памяти. Сходит в "синематограф" или в зоо-сад. Если получится, организуйте ему билеты на две персо-ны в театр или на какой-нибудь концерт. И не забудьте вы-писать пропуск за подписью коменданта города полковника Денисова, чтобы наши патрульные к нему не приставали, ес-ли захочет прогуляться вечером.

Товарищ майор... ну зачем ему такой пропуск, по но-чам надо дома сидеть, Сомов попытался возразить своему начальнику.

Пусть будет пропуск! Сергей Иванович, ты меня хорошо услышал? лейтенанту ничего не оставалось, как понимающе кивнуть головой и сказать "так точно!"

А раз так точно, то давай иди и выполняй! Я тебя больше не задерживаю, закончил разговор майор.

Туров, проводил Сомова до дверей приёмной своего ка-бинета и, прежде чем идти к Комиссару, отдал распоряже-ние секретарю машинистке Марии Петровне, чтобы та сроч-но подготовила и отправила в Москву запрос. Майору было нужно, чтобы сюда, в Ленинградское Управление, с фельд-связью, доставили дело младшего лейтенанта ГБ Горского Владимира Владиславовича, 1917 года рождения, с которым, в связи с предстоящим знакомством, он хотел ознакомиться лично...

В это самое время я пытаюсь дозвониться из телефонного автомата по указанному на крошечном листке бумаги номе-ру, чтобы услышать от сотрудника время, когда прибудет ма-

шина, которая должна отвезти меня на Комендантский аэродром города. Удивительно, но телефонная связь в Ленинграде работает бесперебойно!

Глава 4. Прогулки по городу

Сажу на скамейке у будки с броской надписью "ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ", жду какое-то время, потом снова захожу внутрь кабинки, снимаю трубку, опускаю в приёмник монетку и после гудка набираю нужный мне телефонный номер – со второй попытки длинные протяжные гудки прекратились, и мне ответили: Алло! Кто говорит? Да, слышу! пока не начался разговор, мне несколько раз пришлось "поаллокать".

У аппарата лейтенант Сомов, после моего приветствия отвечает хрипловатый голос на том конце провода. Этот Сомов сообщает мне, что отъезд откладывается на несколько суток, потому что по приказу командования всю транспортную эскадрилью срочно задействовали для нужд фронта. Этот же голос сообщает, что за успешное выполнение особого задания, в качестве поощрения, мне предоставляется несколько дней отдыха. Этот неизвестный мне лейтенант так прямо в лоб и заявляет:

Можете погулять по городу, сходить в кино, в зоосаде бегемота – красавицу Бетти показывают или посетить Театр Музыкальной Комедии, в репертуаре которого сейчас идёт "Свадьба в Малиновке", неделю назад труппа театра радовала горожан новой опереттой "Лесная быль".

Тот же голос хрипит в трубку и поясняет, что Театр временно переехал в здание пустующей "Александровки", по-

тому что в здание "Комедиантов" в ноябре прошлого года угодила бомба. Чтобы театр не закрылся, руководство города приняло решение, разрешающее артистам временно занять здание Александровского театра, труппа которого находится в эвакуации. С билетами сложностей не будет – за Управлением всегда закреплена "бронь", хотя в городе их не найти, т.к. они моментально раскупаются жителями. Продолжая разговор, Сомов сказал, что вечером мне надо быть на квартире, с которой я уже готов был распрощаться и там встретиться с сотрудником их отдела по фамилии Шарий. Этот Шарий должен привезти документы, подтверждающие, что моя командировка продлена, он же вручит мне спецпропуск, выписанный на моё имя и подписанный комендантом города, позволяющий беспрепятственно находиться на улицах Ленинграда в любое время суток. Помимо документов незнакомец должен привезти продуктовые карточки, талоны на питание и паёк. Слушая доносящуюся из телефонной трубки речь лейтенанта, не перестаю удивляться такому везению!

Это надо же, ещё несколько спокойных дней будут в полном моём распоряжении! Какой-то подарок судьбы! Лафа! Большая лафа! За что мне такое счастье и забота разом привалили! носились радостные мысли в голове.

Так что, вы товарищ Горский, все эти дни всецело можете посвятить своим делам. Через пару дней я или кто-то другой из наших сотрудников свяжемся с вами. У меня всё! Отды-

хайте! на том конце провода Сомов вешает трубку, и в телефоне зазвучали короткие гудки...

В лёгком недоумении, секунд пятнадцать стою в телефонной кабинке, прижимая гудящую трубку к своему уху. Возвращаю телефонную трубку на рычаги корпуса аппарата и покидаю тесную кабинку.

Интересно, кому и зачем я понадобился? Кто же этот любезный благодетель? Всё смахивает на кусок хорошего сыра... на мгновенье промелькнули тревожные нотки.

Гулять не хотелось, и я пошёл из Центра города, направляясь к Гагаринской улице к себе в комнату. Дом, в котором мне временно предоставили жильё, расположен совсем рядом с не так давно построенным зданием Управления на Володарском проспекте и буквально в нескольких шагах от гранитной набережной Невы, с которой открывается прекрасный вид на Мост, соединяющий два берега реки, Петропавловку, "Васькину" Стрелку и Дворцовый мост. Не спеша пришёл к дому, через арку двора прохожу к своему подъезду, поднимаюсь в комнату, открываю дверь, разуваяюсь и, не снимая одежды, сразу же валюсь на солдатское одеяло, которым была застелена кровать. Пытаюсь заснуть, следуя железному армейскому правилу, что сон лишним не бывает, но так и маюсь в думах, рассматривая битый час подкопчённый от сажи потолок. Единственное окно комнаты в целях светомаскировки закрыто плотной тёмной тканью, которая не пропускает свет.

Для того чтобы дневной свет мог проникнуть внутрь комнаты, ткань надо было поднять кверху, закрепив её нижние концы за шляпки гвоздей, вбитых по краям оконного проёма на высоте человеческого роста. Рядом с изголовьем скрипящей пружинами кровати на большом табурете сверху расположен железный лист, на который уложена площадка из четырёх красных кирпичей, найти которых сейчас на улицах города не составляет проблемы. На площадке установлена маленькая печь-буржуйка, самодельное производство местных умельцев. На этом чуде техники помимо обогрева комнаты, можно вскипятить чайник, на маленькой сковородке или в кастрюльке приготовить что-нибудь съестное. Рядом с печуркой аккуратно уложена небольшая поленница дров из расчёта на три-четыре дня жизни. На полу, рядом с дровами, лежит небольшой тесачёк для колки щепы. Труба дымоотвода идёт вверх метра на два, потом горизонтально проходит вдоль стены и втыкается в старый дымоход помещения. Круглые флотские часы, которые не боятся влаги, с недельным заводным механизмом, висят на стене и уже отсчитывают моё отпускное времечко. На небольшом столе, который установлен на середине комнаты, можно писать различные отчёты, пить чай, принимать пищу и гладить свои вещи. Три "убитых" временем старинных гарнитурных стула отлично дополняют комнатный интерьер. Интересно, каким ветром сюда занесло эти "барские" стулья с вензелями неведомой ныне фамилии? На входной двери овальное зеркало разме-

ром с хлебный поднос прикреплено обычными гвоздями с загнутыми кверху шляпками. Верхнюю одежду, пиджак и кепку можно повесить на открытую вешалку, двухметровую палку с большими крючками. В трёхящичном комод, приготовленные загодя, лежат несколько полотенец, три наволочки и пару простыней. Вот и весь интерьер жилища, говоря новомодным языком – ничего лишнего! Следует добавить, что, несмотря на все трудности связанные с осадой города, в доме действуют электричество и водопровод. Все комнаты в доме временно отапливаются самодельными печками, сделанными из простых бочек или бидонов. В качестве дров используется практически всё свободное дерево, мебель и книги. Зимой водопровод был отключён и люди вынуждены были брать воду прямо из реки, набирая её из промоин и воронок от снарядов. Всю зиму мусор и нечистоты выбрасывались прямо на улицу, а во многих домах прямо за дверь на лестницу. После суровой и страшной зимы, уже с начала апреля по всему городу стали массово наводить чистоту и порядок. Всё это мне рассказала пожилая бабулька вахтёр нашего подъезда. Анна Андреевна, укутанная даже в летние дни в шерстяной платок, разговаривалась со мной, когда мы с ней по-дружески пару раз пили морковный чай с добавлением каких-то лечебных травок. Чай был бабушкин, а кусковым сахарком угощал её я. Анна Андреевна уже давно "трудилась" на вахте в этом подъезде и на своём веку повидала заезжего люда предостаточно – на раз могла отли-

читать хороших и плохих постояльцев. Я сдавал ей ключи от комнаты всякий раз, когда уходил по делам и забирал когда приходил, а вечерами мы иногда чаёвничали, ведя различные разговоры за жизнь. В Питере всегда умели встретить, разместить и приветить простого командировочного...

Отлежав свои худые бока, встал с кровати и выглянул в окно – ещё не темно и на улице чудесная погода. Решение пойти и просто пройтись у меня возникло совершенно неожиданно, да и подходящий повод быстро нашёлся – захотел прогулять свой новый костюм и немного разносить туфли, чтобы не жали ступни. Конечно, этот надуманный повод был совсем не самым главным – мне очень хотелось пройтись, погулять по красивому вечернему городу, ведь никто уже никуда не улетает и свободного времени стало навалом. Выхожу из дома и направляюсь по улице к самой Неве, дальше иду по гранитным плитам набережной вправо, в сторону Марсова поля и вскоре выхожу к памятнику Суворову, где полководец представлен в образе бога Марса, только сейчас памятник закрыт мешками с песком и видна только его голова в шлеме. Марсово поле поразило тем, что всё изрыто позициями зенитных орудий ПВО большого и среднего калибров. Орудийные стволы грозно задраны в вечернее небо города, рядом установлены прожекторные установки, а в вырытых глубоких щелях дежурят бойцы, готовые по сигналу тревоги мгновенно занять свои места и сбивать вражеские самолёты. Из истории города и рассказов своего отца я

знаю, что при царском режиме на этом поле регулярно проводились гимнастические соревнования и строевые смотры частей гарнизона тогдашнего Санкт-Петербурга, на которых почти всегда присутствовал Российский Император. Прямо через поле проход закрыт – военный объект. Мне пришлось идти в обход, мимо большого и красивого здания "Электротока" с занавешенными и оклеенными окнами и далее к заброшенной громадине собора "Спаса на Крови". Затем мой путь лежит мимо Михайловского сквера, на земле которого ленинградцы разбили овощные грядки. Оставляю за спиной Замок Императора Павла, во дворе которого в апреле месяце рванула немецкая "фугаска", пробив брусчатку и оставив после себя, огромную воронку. Выхожу к проспекту 26-го Октября. Небрежно положив свои локти на чугунные перила, минут тридцать простоял, глядя на тёмную воду Фонтанки. Увидел, что река заставлена большими дровяными баржами. На легендарный городской проспект вышел у аптеки Урицкого с табличкой 66, висящей на доме. Это место находится почти у самого Аничкова моста, на котором сейчас уныло и сиротливо стоят пустые постаменты без Клодтовских коней. Захотел перейти через мост и по проспекту дошагать до Октябрьского ж/д вокзала, но, дойдя лишь до разбитого дома номер 68, передумал и пошёл обратно. Я увидел, что в дом попал немецкий снаряд и своим мощным взрывом снёс четыре жилых этажа фасадной стены дома, пощадив чердак и крышу. Прохожие люди мне сказали, что всё случилось ещё

в ноябре – кирпичи, балки и штукатурка тогда огромной кучей упали на проспект и надолго остановили всё движение. Образовавшийся пролом обнажил межэтажные перекрытия и уцелевшие балки так, что с улицы была видна домашняя обстановка из вещей и мебели, а ветерок играл уцелевшими на карнизах шторами и занавесками. При полёте в самолёте соседи по салону транспортника, следующие в Ленинград уже не в первый раз, просветили меня, что немецкая дальнобойная артиллерия своими снарядами может обстреливать практически любой район города. Ориентирами для пристрелки орудий служат высокие здания, трубы заводов и фабрик, а в ясную погоду особенно хорошо видны купол Исакия и Шпиль Петропавловки. На стенах улиц и проспектов видны предупреждающие надписи, гласящие по какой стороне безопаснее идти по своим делам... Сегодня на проспекте чистота и порядок, местами видны даже урны. Страшный своей пустотой пролом, огорожен забором из грубых досок, на котором ушлые горожане развесили свои объявления о купле-продаже или обмене продуктов или вещей. Жизнь есть жизнь! Взгляд выхватил лист бумаги, на котором написано корявым почерком – "Продаются гробы", далее адрес и фамилия Петухов. Я ненадолго задержался у забора и решил почитать объявления – на другом листке увидел предложение о покупке за наличный расчёт, обмене на продукты или папиросы разной одежды, нескольких пар не ношенной обуви, постельного белья и даже большого бильярда с шара-

ми. Какой-то Свиридов меняет только на продукты лабораторный микроскоп, фотоаппарат "ФЭД", фотоувеличитель, электродрель, гитару, корыто, кастрюли и даже венские стулья. Все эти вещи до войны стоили очень дорого, и не каждый человек мог позволить себе их купить. Совершенно не могу себе представить, что сегодня можно выручить за такое богатство, думаю, что ничтожно мало! С любопытством поглазев на другие объявления, разворачиваюсь и направляюсь в сторону закрытого кораблика Адмиралтейства. Первые этажи магазинов заложены кирпичом, закрыты мешками с песком или заколочены досками. На досках установлены информационные щиты и стенды, призывающие уничтожать врага и отомстить – их много и возле них всегда полно народу. Люди внимательно читают, иногда громко вслух, листы газет "Правда", "Известий" и любимой горожанами "Ленинградской правды". Огромные "Окна ТАСС и Последние известия" на заколоченных окнах здания Центрального Гастронома №1, бывшего магазина Елисеева, сообщают последние сводки о делах на фронте, которые люди шумно обсуждают. Над стендами краснеет красноречивый плакат – "Смерть врагам! Отстоим наш любимый город Ленина!", а чуть выше – портреты Ленина и Сталина в рамках. На стене дома увидел огромную, размером в несколько этажей, рекламу "Сберегательных касс" – броская надпись гласит, что "Трудовая копейка – РУБЛЬ сбережёт в Сберегательной кассе!", в середине нарисованы две обложки сберкнижек. Наша

реклама нашла себе место даже в блокадном городе! Почему-то вспомнил панскую Польшу лета 39-года – страну, в которой даже в самом паршивом городишке все стены фасадов и зданий домов на улицах сплошь завешаны щитами и плакатами, призывающими совершить выгодную покупку, сытно перекусить или не скучно провести время. А ещё вспомнились красочные афиши театров, кабаре и синема того времени. Сегодня ленинградские киноафиши приглашают зрителя сходить на сеансы кино, где демонстрируют "Боевые киноборники", фильмы "Свинарка и пастух", "Мы из Кронштадта" и "В тылу врага". В последнем играют всеми любимые актёры Николай Крючков и Павел Шпрингфельд. У меня была возможность посмотреть этот фильм в июне прошлого года. Тогда, в тёплый субботний вечер, за несколько часов до начала войны, идти на тот показ я не захотел...

Машин на проспекте мало, автобусов и троллейбусов на остановках не видел, зато работают трамвайные маршруты, правда, вагоны старые и их приходится долго ждать. Подхожу к Садовой улице, на углу которой вижу, как за небольшим столиком сидит высохшая женщина в одетом на голову шерстяном платке, плохо скрывающем седину волос, и продаёт билеты в Большой Зал Филармонии. Обращаюсь к женщине и узнаю, что в городе идут концерты симфонического оркестра под руководством К.И.Элиасберга. О том, что в Ленинграде люди ходят на концерты и это совсем не обман – красноречиво говорит большая афиша, висящая на сте-

не, рядом с продавщицей билетов. Большие буквы сообщают, что в Ленинградской Государственной ордена Трудового Красного знамени филармонии исполняется Седьмая симфония Шостаковича. Вплотную у столика, пропустив вперёд двух командиров, ждут своей очереди несколько девушек, считая рублиевые купюры и сокрушаясь, что денег на билеты может не хватить. За девушками стоит пожилая семейная пара интеллигентного вида...

Когда лежал в госпитале на Большой земле, раненые бойцы с Ленфронта рассказали, что этой весной по действующим частям был дан приказ разыскать и собрать всех уцелевших музыкантов Симфонического оркестра Ленинградского радио. И ведь собрали – разыскали в умирающем городе, вернули с передовой или отозвали с кораблей Балтфлота. Оркестрантов подкормили, подлечили и поставили на ноги, достали нужные музыкальные инструменты. Оркестр начал репетиции и подготовку к выступлениям. Тогда в госпитале я не поверил в этот рассказ – подумал, что сказки-рассказни! Немного прошёл вдоль дома – цепляю взглядом, что на дощатой защитной стенке рядом с плакатом, на котором рабочий с топором в руке призывает всех заготавливать дрова, висит театральная афиша с репертуаром.

Надо же, играют "Евгения Онегина", "Русских людей" и "Фронт" Корнейчука – моему удивлению ещё больше нет предела, когда читаю о том, что в залах на улице Герцена, ежедневно с 12-00 до 16-00 открыта выставка произведений

ленинградских художников. – Потрясающе! В блокадном городе наши люди не только воюют и работают, но ещё ходят в театры и кино, играют музыку, творят и рисуют картины! в очередной раз удивляюсь увиденному в городе.

Продолжаю свой променад дальше и иду по чётной стороне проспекта в сторону Адмиралтейства. Я хочу дойти до "Дома книги", который раньше носил название "Дом швейных машин Зингер". Интересно, продают книги или нет? Немного не доходя до нужного мне адреса, увидел ещё один разбитый дом с уцелевшей вывеской "КАФЕ-СОКИ" – прямое попадание немецкого снаряда сильно повредило фасад и стены. Как человек, немного понимающий об артиллерии и взрывном деле, по причинённым зданию разрушениям вижу, что ущерб от разрыва снаряда не так страшен, как ущерб от разрыва авиабомбы, у которой взрывчатого вещества во много раз больше. Бомба, сброшенная с большой высоты, всей своей массой пробивает этажные перекрытия и разрывается в подвальном помещении, превращая строение в дымящуюся грудку кирпичей, обломков штукатурки и дерева. Если немецкий летчик сбросил бомбу на парашюте, а такие бомбы они регулярно кидают на город, то при разрыве нескольких сотен килограммов тротила, сильнейшая взрывная волна идёт горизонтально поверхности земли и своей мощностью способна уничтожить сразу же несколько домов. Тогда жертв на порядок больше, чем при разрыве артиллерийского снаряда! Убеждаюсь, что "Дом книги" работает! Конечно, окна

первого этажа закрыты мешками с песком, но, поднявшись на второй этаж, вижу, что помимо книг в продаже газеты, журналы, плакаты, календари и письменные принадлежности.

Купил себе роман Джека Лондона "Смок и Малыш" в переводе с английского языка под редакцией переводчика Горфинкеля и сборник рассказов О.Генри "О поросычьей этике", чей перевод на обложке не указано. После покупки книг решил отправиться к "себе домой". Где же ты теперь, мой истинный дом, и когда я до тебя дойду?

За время прогулки многое передумал и перечувствовал – сильно зацепило, что ленинградцы даже в мыслях не держат, что город будет сдан или выбросит белый флаг на милость победителя! В этом городе герои все – старики, рабочие, служащие, бойцы, командиры и даже дети малые!

Вечером ко мне приехал тот самый сержант, который встречал меня на аэродроме и вёз на машине в Управление. Игорь Шарий – так он мне представился при нашей первой встрече. Мне тогда показалось, что парень немного напускает на себя серьёзность и деловитость, но побыв в городе, я понял, что это у него не напускное...

Этот Шарий с самым серьёзным видом вручил мне пропуск, вещевой мешок с продуктами и какие то талоны...

Тут продуктовый паёк на трое суток, вот талоны на посещение ведомственной столовой и деньги, сообщает сержант.

А деньги то зачем привезли? У меня всё есть! пытаюсь возразить, но Игорь быстро осадил меня словами: Приказ начальника! Если привёз – значит так надо! И ещё вот Вам афиша и два билета на концерт.

Кем приказано и кто тот добрый дядя, который раздаёт такие сказочные подарки? с недоумением в голосе спрашиваю сержанта.

В отношении Вас, товарищ младший лейтенант, и всего вот этого есть соответствующее распоряжение начальника нашего отдела майора ГБ Турова, произносит Шарий, потом неопределённо обводит рукой все привезённое мне богатство, которое лежит на столе.

Завтра целый день в полном Вашем распоряжении. Можете его провести по своему усмотрению – гуляйте по городу, отдыхайте, набирайтесь сил. Одним словом, маленькие каникулы... деловито произносит сержант.

Что же это за пир во время чумы? Я как-то не приучен прохлаждаться, когда наши там, на передке жизни свои кладут! жёстко произношу с явным неудовольствием и киваю головой в сторону окна, подразумевая линию фронта.

А вот послезавтра Вам надлежит прийти в Управление, к 15-00, благо оно расположено совсем рядом, – совершенно не обращая внимания на мой "гундёж" продолжает говорить Шарий. По лестнице поднимитесь на второй этаж и у дежурного возьмёте пропуск, заказанный на Ваше имя. Поднимитесь выше этажом, пройдёте по левому коридору до конца и

повернёте налево. После поворота третий кабинет. На двери кабинета увидите табличку с нужным Вам номером. Смело проходите внутрь и ждёте в предбаннике приёмной. Секретарь доложит товарищу майору и тот пригласит вас к себе. Товарищ майор не любит, когда опаздывают или задерживаются без уважительных причин.

Не беспокойтесь, я не опоздаю, знаете ли, не имею такой привычки отнимать у людей их драгоценное время, особенно во время войны, отвечаю сержанту, потом обращаюсь к нему: Товарищ сержант, у вас ещё есть ко мне вопросы? Если вопросов нет, то спасибо за заботу, и я вас больше не смею задерживать! Можете быть свободны!

После слов протягиваю Игорю ладонь своей правой руки, для прощального рукопожатия. Сержант Шарий, крепко жмёт мою ладонь, лихо козыряет, поворачивается кругом, затем покидает мою комнату.

А ведь разрешения уйти у старшего по званию не спросил – раздолбай! отмечаю лёгкое разгильдяйство нового знакомого.

После ухода сержанта решил рассмотреть, что лежит в потёртом армейском "сидоре" и рядом с ним. На столе небольшая пачка денег, талоны в столовую и два билета на концерт. Деньги сразу же убираю подальше, потом надо будет их сдать в фин. часть. Решаю, что столовские талоны, чтобы не пропали, проем, а на концерт, если будет желание, то завтра схожу.

Только не понимаю, зачем мне выдали два билета? В вещевом мешке нахожу продукты – буханка хлеба, банка консервированной колбасы с клеймом изготовителя и броской надписью "made in USA".

"Живут же люди!" американскую колбасу, даже в консервных банках, видеть мне ещё не приходилось, не говорю о том, чтобы попробовать её на зуб. Банка компота, судя по дате на этикетке, была выпущена где-то в Ворошиловской области ещё до войны – уйдёт на раз, только дай! Обрадовала банка сгущённого молока и плитка горького шоколада в плотной фольге, такие продукты входят в состав НЗ моряков или летчиков. Из овощей в бумагу завёрнуты две луковицы среднего размера и шесть "сморщенных" картофелин прошлогоднего урожая. Уважили! Это же целое богатство по блокадным меркам! На такой паёк можно жить суток пять, а при желании эти продукты можно растянуть на всю неделю! Собираясь в командировку, я прикупил немного продуктов в коммерческом магазине – пару пачек чая, немного сахара, хлеб, отдельно сухари, сало, несколько банок мясных и рыбных консервов. Не пожалел денег, даже на пару бутылок 0,5л. водки, за которые отдельно заплатил по 600 рублей за каждую. Водку специально привёз для питерских товарищей и уже успел, как говорится, "проставиться"...

На глаза попался небольшой кусочек плотной бумаги розового цвета с красной диагональной полосой – номерной

пропуск за подписью коменданта гарнизона города Ленинграда полковника Денисова, с правом беспрепятственного прохода по городу в запретное время – с 22-00 вечера до 05-00 утра, в графе "выдан" вписаны мои полные данные ФИО. В самом низу листка строгая надпись, гласящая, что этот документ действителен только при предъявлении паспорта. Рядом с "чудо пропуском" лежит афиша, сложенная на четыре части. Раскрываю афишу и полностью раскладываю её на столе, прикрыв вещевой мешок. На афише написано, что в саду Дворца Пионеров Театр КБФ предлагает посмотреть концерты – Джаз-Представление под названием "Будем знакомы", сценарий и постановка З.Крухимовича, балетмейстер С.Карпов, а также "Концертный дивертисмент" с участием вокальной и плясовой группы. Художественный руководитель театра какой-то А.Пергамент. Началось в 15-00.

Мне вспомнилось, что в предвоенной Польше, где только можно, крутили пластинки с джазом, а в парках и на оркестровых площадках, наряду с танго и другой лёгкой музыкой, умелые музыканты "выдавали" прекрасные джазовые композиции.

За такой подарок в двойне большое спасибо! надо будет при встрече поблагодарить, пока ещё мне не знакомого, майора Турова!

Но за что! Чем я всё это заслужил? Тут что-то не так! клюнула в мозг мрачная мысль...

Следующий отгульный день пролетел в одно мгновение, но я до конца жизни буду его вспоминать!

С утра гулял по городу, наслаждаясь чудесной питерской погодой августовского лета. Сегодняшний день тоже удался – чистое синее небо, без облаков, солнце своими не видимыми лучами ласкает зелёную траву и нагревает уличный асфальт.

На улице теплынь, что является большой редкостью для этих мест. Решил добраться до Петропавловки и искупаться в Неве и, если повезёт, постоять босыми ногами на песке крепостного пляжа. Для купания и отдыха лучшего места, чем крепостной остров в городе не найти – ведь недаром же до войны все нормальные ленинградские студенты, в перерывах между водными процедурами и игрой в волейбол, здесь предпочитали готовиться к экзаменам и зачётам.

На попутном трамвае переезжаю мост и выхожу на остановке прямо у здания заброшенной Мечети. На этой стороне набережной свободного места много и горожане тоже раскопали землю под огороды и грядки – вижу, как зеленеют длинные капустные ряды. На другой стороне Кронверкской стоит давно знакомое мне строение из камня и стекла. Это двухэтажное здание трамвайной остановки, построенной ещё задолго до революции, во внутреннем помещении которой, раньше находились туалетные кабинки и рукомойки. Работает она или нет – проверять не стал. На остров прохожу по деревянному мостику, а дальше на пути возник

закрытый полосатый шлагбаум караульного поста, и лениво стоящего на входе часового!

Это значит, что передо мной военный объект и проход внутрь запрещён! Часовой, молодой парень с длинной винтовкой со штыком, через плечо одета противогазная сумка, на ремне двойная патронная коробка, изнемогает от жары и откровенно скучает. Халявщик!

Решил, что найду местечко, кину свои шмотки и обувь на травку, окунусь и немного поплаваю в чистой прохладе невисской воды, потом буду обсыхать, подставляя своё тело под тёплые лучи солнца. Полный кайф! Лишь бы только одежду не сперли!

А потом в планах было махнуть в Центр – в кинотеатре "Молодёжный" сегодня крутят новый американский фильм "Три мушкетёра" и "Боевой кино сборник" о разгроме немецких войск под Москвой, а потом можно и на концерт сходить, раз билеты в кармане имеются.

Подхожу прямо к часовому, а тот преграждает мне путь словами:

Куда прёшься? Шляпа городская! Не видишь, что военный охраняемый объект! Могу и стрельнуть, если не понятно!

Я те стрельну! Я так стрельну, что "стрелялка" сломается, а ты сам под Невскую Дубровку поедешь! Там и настреляешься через Неву, по полной! На! Смотри сюда! показываю бойцу, на уровне его глаз, своё служебное удостоверение в

раскрытом виде. Мало? Вот ещё гляди! своё удостоверение прячу во внутренний карман пиджака и тут достаю свой розовый пропуск.

Часовой стоит по стойке смирно, дышит через раз и начинает мямлить:

Но..., ведь я..., я совсем не так... Вы меня не так поняли! Разводящему доложу...

Не надо нам здесь твоего разводящего – стой, как стоишь! Да нормально встань, как и положено часовому. А Ты, братец, ещё и неуч! думаю про себя и тут же прошу меня выслушать: Выручи меня! А, браток! Я тут в командировке и завтра уже уеду. Искупаться в Неве как-то раньше не получилось, а "купнуться" очень хочется! Я отойду вон туда и буду в пределах твоей видимости, разденусь, сложу одежду и немного поплаваю. А ты присмотри за вещами, чтобы не спёрли – там удостоверение, пропуск, "Коровин (ТК-26)" и куча другого *барахла*! Договорились? Одним словом, ты стоишь, как стоял, но приглядываешь в оба глаза, а я тебе в подарок парочку папирос "Звёздочка" подарю! Когда сменят – покуришь по-человечески или поменяешься там у себя с кем-нибудь из своих. Если ты не против, моргни разок глазами.

После недолгого раздумья парень смешно моргает своими глазами и на его лице появляется улыбка.

Спасибо, друг! тихо произношу, как будто тут ещё кто-то есть, и так же тихо добавляю: Ну, тогда я пошёл!

Быстро раздеваюсь до трусов, аккуратно укладываю на ботинки всю одежду – пиджак, на пиджак кладу кепку, в кепке прячу "Коровина", удостоверение, пропуск, деньги, наручные часы и другие мелочи. Кепку накрываю брюками, поверх укладываю рубашку и майку. Теперь начинается самый кайф!

Подхожу к воде, ступней ноги "пробую" воду и медленно начинаю входить в реку. Осторожно, растягивая удовольствие, мелкими шажками иду навстречу течению, вижу под ногами песчаное дно, камешки и как "разбегаются" в разные стороны какие-то мелкие рыбки. Дохожу до глубины, когда уровень воды уже по самую шейку, и командую сам себе: "Стоп машина! Дальше не пойду!"

Есть желание нырнуть и немного проплыть под водой. Ныряю и, открыв под водой глаза, делаю с десяток мощных гребков руками, затем выныриваю, мотаю головой, громко, с шумом отфыркиваюсь от водных капель, плыву кролем ещё с десяток метров, затем разворачиваюсь и гребу обратно. Несмотря на небольшое течение плыть легко, вода в реке прогрелась и совсем не холодная! Тихо балдею от такой процедуры! Минут через десять начинаю выходить из реки и, едва ноги оказались на траве, начинаю припрыгивать то на одной ноге, то на другой – таким способом пытаюсь выгнать воду из ушей и немного стряхнуть её с тела. Моя одежда горкой лежит на траве в целостности и сохранности. Несколько минут обсыхаю, поставив лицо под лучи светила, пытаюсь пой-

мать хоть какой-то загар, но надо ещё как-то снять и выжать от воды, желательно почти насухо, свои казённые трусы.

Прикрыл своё... одним словом ту часть тела, что ниже талии, пиджаком, завязал за спиной длинные рукава, снял нижнее бельё и пару раз тщательно выжал всю воду. Не спеша оделся, подошёл к часовому, на ходу доставая из кармана пиджака пачку папирос "Звёздочка", покурить которые для любого бойца за счастье. Сам курю очень редко, но "свой табачок" у меня всегда "заныкан" – на войне без него совсем людям скверно...

В Ленинграде папиросы и табак в дефиците, найти можно только на толкучке или на рынке, и везде просят за них всегда очень дорого.

Товарищ красноармеец! Кругхоооом! по моей команде боец поворачивается ко мне спиной. В канал ствола его "свечки" одна за другой запихиваю две папироски и снова подаю команду: Кругом! теперь часовой снова стоит лицом ко мне. Спасибо дружище! Выручил! Чтобы тебя никто "не попалил", засунул в ствол твоего "винта" пару "Звёздочек" – сменишься с поста, достанешь! благодарю бойца и объясняю, зачем нужно было его "круголять".

И вам спасибо... за курево, смущается боец.

Прощевай, браток! Пойду я! поворачиваюсь и ухожу с крепостного острова гулять дальше.

А ведь у вас тут бардак полный! Зелёный лопушок ты, парень! Другой бы покараулил!!! Известную заповедь, что ча-

совой лицо неприкосновенное, никто не отменял! А тут у тебя на объекте нарисовался какой-то манерный хмырь в кепке, потряс корочками, застращал, навешал лапши на уши и сам был таков, иду по набережной Кронверкского пролива, немного ворчу и больше всего ругаю себя за то, что такой "хороший" пример показал первогодку. Ладно, проехали!

Набережная довела до моста, потом оказался на стрелке Васильевского острова, прошёл ещё один мост и вышел к самому Эрмитажу – такой хороший получился прогулочный кружок. Удивило то, что Ленинградский зоосад принимает гостей и там полно людей, а ведь знал, что его бомбили и обстреливали – в своём домике погиб слон, досталось бассейну с белыми медведями, были попадания в обезьянью клетку, разбиты вольеры с парнокопытными. А с середины июля народ туда идёт смотреть бегемота!

На остановке у Дворцовой площади сажусь в трамвай и еду по главному проспекту мимо Гостиных Рядов, минуя Садовую улицу, добираюсь до сада с чугунной решёткой и выхожу на остановке у памятника Императрице. Несмотря на обстрелы, памятник не стали "зашивать" деревом или закладывать мешками с песком. Вход в сад свободный, деревья не спилили, старинные скамьи на месте, кругом чистота и порядок, только исчезли лотки с мороженым и напитками. Минуя на входе большие театральные афиши с репертуаром театров, иду внутрь сада, выбираю скамейку поближе к выходу и сажусь на свободное место. Сам слышал, как рядом

пошутил один очень интеллигентного вида старичок с тросточкой-зонтом, отвечая другому такому же дедульке с одетыми галошами поверх старомодных ботинок, на вопрос:

Не пойму, почему большевики прикрыли досками и мешками Петра вместе с конём, а Катьку с её царедворцами оставили стоять в этом саду как есть? Слышу, как прозвучал ответ его соседа по лавке: Аристарх Венедиктович, голубчик, вы меня удивляете! Пётр, чистейший русак, а Катьку тевтоны тронуть не посмеют – она же немка!!! Своих они обижать не рискнут! Ха-ха-ха! оба старичка смеются...

Достаю из внутреннего кармана пиджака билеты и смотрю на свои часы, сверяя время. От сада имени императрицы до ворот Дворца Пионеров ходьбы пешком, буквально, минуты две-три, не больше, а до начала представления ещё добрых полчаса. Подставляю ласковым солнечным лучам своё чисто выбритое лицо, коротаю время и откровенно млею. Красота! Не знаю чем заняться и просто сижу. А спустя двадцать минут в моей жизни случилась встреча, о которой мне уже не забыть до скончания своего века!

Глава 5. Случайное знакомство

Насидевшись в "катыкином саду", покидаю место отдыха и подхожу к высокому забору, закрытому кованой решёткой Дворца Пионеров. Оказалось, что мне надо благодарить судьбу за то, что, не желая толпиться, пошёл во дворец не сразу, а задержался, решив ещё немного постоять. У входа во дворец былолюдно, слышны шутки и смех, много курящих, кто-то ждёт друзей, мужчины и женщины ходят сквозь толпу и громко спрашивают лишние билеты. Собрался уже пройти к контролёрам, как услышал молодой девичий голос:

...лишнего билета. Я готова купить! Нет? Жаль! Товарищи, я всего на день приехала с фронта! Очень хочу концерт посмотреть! Есть у кого-нибудь лишний билет?

Оборачиваюсь на голос, смотрю и замираю – девушка красавица, в ладной военной форме, два рубиновых треугольника в каждой петличке разместились по соседству с медицинской змеюкой, над правым карманом гимнастёрки на красной колодочке горит серебром медаль "за Отвагу". Докторша – вернее санинструктор! Русское приятное лицо с ямочками на щеках, брови стрелкой, прямой тонкий греческий нос и красивые девчоночьи губы. А её огромные глаза похожи на бездонные синие омуты – один раз посмотрел в них и утонул!

Это судьба! Глядя на девушку, моментально понимаю, что

совсем пропал, пропал и утонул навсегда!!!

Девушка! У меня для ВАС есть один билет! Берите так и денег не нужно! Я ВАС приглашаю! сначала предлагаю, затем вручаю девчонке билет и, немного смутившись, приглашаю вместе пройти во дворец. Она не отказывается, мы знакомимся и идём занимать свои места в зрительном зале. Девушку зовут Мария, она на три года младше меня, в тридцать девятом году поступила в медицинское училище в Ленинграде, проходила учебную практику рядом со своей деревней, помогая сельскому фельдшеру, одному на несколько деревень и сёл возникших, когда Пётр Первый сгонял людей на строительство Ладожского канала. Во время летних каникул тоже работала в этом фельдшерском пункте. На войне Мария стала санитарным инструктором и медсестрой. Сейчас проходит службу на эвакуационном пункте, что развёрнут неподалёку от печально знаменитой Невской Дубровки. Раньше, до конца апреля этого года, им постоянно доставляли раненых с левого берега Невы, с небольшого плацдарма, имевшего на оперативных картах командования размер обычного пяточка, но сейчас, когда плацдарма нет, стало спокойнее. Ей тоже выпало несколько раз побывать в том пекле – помогала эвакуировать раненых бойцов и командиров. За осенние бои прошлого года наградили медалью. Сегодня в Ленинграде девушка оказалась случайно – привезла тяжёлых раненых в Ленинградский окружной военный госпиталь №442, что на Суворовском проспекте в доме №63. Когда везли раненых,

в районе деревни Манушкино, их машину с санитарными крестами на бортах и на крыше обстрелял немецкий самолёт-разведчик, неожиданно вынырнувший из леса – несколько пуль из выпущенной пулемётной очереди повредили что-то в моторе, водитель назвал какое-то мудрёное слово, но она его не запомнила. До госпиталя дотянули, но потом мотор "скис". Шофёр доложил, что придётся "загорать", т.к. исправить поломку сможет только поздно вечером, когда водитель другой их машины сдаст своих раненых и на обратной дороге завезёт сюда нужную деталь или запасную часть для мотора. Начальник госпиталя удручённо развёл руками и сказал, что в данном вопросе он тоже ни чем помочь не сможет. Это был лысый мужчина – уже в годах, худое лицо, на носу круглые очки, над верхней губой носит усы-щёточки "аля-Маршал Ворошилов", военная форма висит мешком, но в петлицах по ромбу, на груди орден и нагрудный знак "20 лет РККА. В госпитале все знают, что он практикующий хирург, местный светила и настоящий начмед!

ВАМ, деточка, придётся пробыть у нас до вечера! усталым от недосыпания, сухим и не терпящим возражения голосом, сообщил доктор. Сухарь сухарём, а узнав, что Мария привезла тяжелораненых с самой Невской Дубровки, которую немцы, опасаясь высадки на "их берег" очередного десанта, в покое не оставляли и регулярно обстреливали из орудий и миномётов, установленных на "верхотуре" разбитой 8-й ГРЭС, сразу как то проникся симпатией к девушке

и несколько смягчился. Бригадный военный врач, глядя на серебряный кружок солдатской медали, горевший на груди гимнастёрки санинструктора, спросил её, доводилось ли ей самой "ходить" на левый берег Невы и, получив утвердительный ответ, то как-то сразу подобрел. Смерив Марию взглядом, строгий военврач примерно с минуту о чём-то размышляет, затем с доброй отеческой заботой произносит следующие слова:

Вы, барышня, успеете ещё вернуться в своё пекло! А пока, за отличное выполнение своих должностных обязанностей и воинского долга награждаю тебя дочка увольнением в город, до 22-00 вечера. И прошу не спорить со старшим по званию! В армии это не принято! последние два предложения, произнесённые начмедом, звучат уже начальственным тоном.

Так, по воле случая, девушка оказалась в центре Ленинграда, а судьба решила свести наши пути в этом месте.

Мы сидели и смотрели концерт. Я стеснялся лишний раз посмотреть на девушку и дышал "через раз". Уже ближе к завершению действия дивертисмента, преодолевая смущённость, осмелился и взял её маленькую ладошку в свою ладонь, а она не отёрнула свою руку, только посмотрела на меня своими небесной синевы глазами и смущённо улыбнулась. До конца представления её ладошка была в моей руке, но сидел тихо, боясь причинить девушке малейшее неудобство...

Концерт завершился бурными овациями и аплодисмента-

ми зрителей. А мы уже вместе отправились погулять по городу. О себе рассказал, что родом из Сибири, учился, служил и воевал на Финской, начало войны встретил на границе, отступал и партизанил до весны этого года. После ранения отправили сюда в командировку, срок которой истекает завтра с утра. Сказал, что это уже второе ранение на этой войне и несколько месяцев пришлось полежать на белых простынях, но сейчас практически оправился и, телом и душой, но целоваться совсем не умею – разве по-дружески, только в щёчку. Девушка смущённо улыбнулась и выдала свой большой секрет, сказав, что она тоже умеет целоваться только в щёчку!

Позабыв о войне, я и Мария бродили по летнему городу, вспоминали былое, разговаривали, шутили, смеялись и даже немного спорили. Ближе к вечеру предложил девушке дойти до моей комнаты и чего-нибудь перекусить, благо продуктов хватит, а потом пойду провожать Марию до самых ворот "её" госпиталя, несмотря ни на какие возражения с её стороны и на трудности с моей стороны. Девушка засмушалась, стала отнекиваться, а потом приняла моё предложение и мы продолжили прогулку, держа направление к моему дому на Гагаринской улице, к которому, за разговорами, мы дошли очень быстро. На вахте дежурила бессменная Анна Андреевна.

Добрый вечер, Анна Андреевна! Мы ненадолго зашли, всего на полчаса или час. Побудем и снова отправимся смотреть город! успокаиваю женщину, что нарушений не будет.

Вахтёрша отдаёт мне ключи от комнаты и когда мы начали подниматься по лестнице, с улыбкой на старческом лице произносит нам вслед:

Мне то что! Гуляйте на здоровье! Дело молодое!

В комнате, пока расщеплял дрова на мелкие плашки и растапливал "буржуйку", Мария очистила лук, вымыла картошку и кинула её в кастрюльку, налила из чайника воды и поставила её поверх печки. Решили приготовить картошку в "мундире", а потом вскипятить воду для чая. Не смотря на протесты девушки, подарил ей на память книгу Джека Лондона, со словами:

Если разрешишь, книгу подпишу, чтобы ты меня иногда вспоминала! Сама читаешь! А потом будешь раненым читать! И не надо спорить!

Хорошо! Я не буду с тобой спорить! Надпиши! был ответ девушки.

Вот так буднично и не заметно мы перешли на "ты". Ужинали и пили пустой чай. Спустя час закончили свой пир, быстро прибрались и покинули моё скромное жилище. На скорую руку завернул в плотную бумагу афиши сгущенку, компот, плитку шоколада, на этот пакет уложил книгу и всё крест на крест перевязал крепкой бечёвкой.

Володя, а как же ты назад вернёшься? Пока дойдём, будет уже совсем поздно? Тебе не успеть! беспокоится Мария.

Не волнуйся! Когда-то давно я прочитал арабские сказки и теперь знаю волшебное слово! Как только его назову,

то обижать меня никто не рискует! Главное верь мне! пытаюсь отшутиться и тут же переключаюсь на другое: Мария, ты только посмотри, какое сегодня чистое небо...

А как стемнеет, посмотрим на звёзды, падающие к земле, и загадаем много много желаний! Ты не знала, что когда с неба падают звёзды – надо загадывать желания?

Нет, такого не знала! отвечает девушка и, не вдаваясь в подробности, уверенно произносит: Если днём залезть в глубокий колодец, то из него видно как на небе светятся звёзды – сама видела...

Теперь будешь знать! Люди говорят, что загаданные желания всегда сбываются! поясняя примету, а про себя не перестаю восхищаться: Смелая и отчаянная девушка! Жаль время военное и не до танцев. А то сходили бы ещё в какой-нибудь ДК на танцевальный вечер.

Позднее, раз за разом в своих снах вспоминал наш разговор:

Ты любишь танцевать... Как так по-городскому не умеешь... А разве сейчас в деревнях и сёлах как то по-другому танцуют... Не верю... Кадрили... Коробочку... Да, красиво... Если доведётся когда-нибудь, покажешь... А научить сможешь... Обязательно станцуем... Договорились... А я тебя приглашу к себе в гости – в Сибирь, у нас красивейшие места... А ты меня к себе в гости захочешь пригласить... И озеро покажешь... Ловлю на слове... Мне очень хочется посмотреть, как люди живут, как пляшут под гармошку и кад-

рили с девушками крутят...

Так и шли по вечернему Ленинграду, меряя своими шагами длину по-военному строгих улиц и проспектов, опять смеялись, шутили, смотрели на звёзды, загадывали и надеялись ещё встретиться. Прохожие смотрели на нас с легким недоумением, скорее больше даже с раздражением – война на пороге, люди гибнут и мрут, а эти, видишь ли, идут и воркуют как голубки! А нам этим вечером казалось, что нет страшной войны, нет чудовищной блокады, и совсем нет тысячи смертей!

Довёл Марию до самых ворот госпиталя. На прощание прошу разрешения поцеловать ладошку и пальчики – объясняю, что в Польше парни так девчат "кохают". Девушка, а у неё лицо стало не по-девичьи серьёзным, с лёгкой "грустинкой" в глазах немного смутившись, разрешает. Объясняю, что у меня фамилия Горский – самая что ни есть шляхтецкая, хотя все мои родственники с середины прошлого века проживали в Сибири из-за того, что сильно бунтовали против царской власти.

А моих родичей пригнали из центральной России, по Петровскому Указу канал строить, потом рыбу ловили и сдавали государству. Мама пишет, что парней и мужиков в деревне нет, всех на войну забрали, с некоторой грустинкой в глазах рассказывает Мария, потом протягивает мне небольшой белый листок и тихонько произносит: Володя, а ты будешь мне писать? Вот, я на листке записала Тебе номер своей полевой

почты. Правда, долго на одном месте наш медсанбат не стоит. Чтобы нас не разбомбили, часто перебрасывают с места на место. Их летуны не смотрят, что раненые... девушка на мгновение замолкает, вспоминая о чём-то своём, затем тихо произносит: Обещай мне, что напишешь! Я буду ждать!

Обязательно напишу! Обещаю, что помнить об этом дне буду всегда! А забыть тебя до смерти уже не смогу! произношу слова и передаю в руки девушки свой бумажный свёрток. Это тебе! Тут книга и ещё кое-что. Когда уйду, посмотришь, ладно?

По-дружески легонько прижимаю к себе хрупкую девичью фигурку и мимолётным прикосновением своих губ целую Марию в её нежную щёчку! Мария не отстраняется, слышу, как она всхлипывает, прижимается ко мне плотнее и тоже целует меня – в щёку!

До встречи! Спасибо тебе за всё! Верь мне, Мария... разворачиваюсь и быстро ухожу от госпиталя в ночь.

Глава 6. Еще одна встреча

Идти назад предстояло долго. Пока шёл по Суворовскому, всё время хотел обернуться назад и увидеть, не смотрит ли мне в след девушка в военной форме с синими бездонными глазами.

С Суворовского проспекта сворачиваю на Таврическую улицу, подхожу к решётке самого сада, но почему то вдруг возникло чувство опасности, которое никогда меня не подводило. Отчётливо слышу в темноте шум шагов нескольких человек, явно пытающихся меня догнать. Осторожно поворачиваю голову, краем глаза вижу неясные тени. Так и есть – трое! Явно не патрульные и не бойцы ПВО, что по ночам дежурят на крышах домов. Три гражданских ...ночью на улице? Бред! Не останавливаясь, осторожно и плавно достаю из-за пояса свой "Коровин", большим пальцем долой флажковый предохранитель, тихо ставлю на боевой взвод, патрон в канале ствола. Заряженный пистолет прячу в рукаве пиджака, чуть согнув кисть правой руки, придерживаю его, чтобы не выпал. Кто же это такой смелый, если не боится простых советских граждан "гопстопить" рядом с таким солидным учреждением? Сейчас узнаю, по мою душу или ошибся? Нет, не ошибся! Трое малых развязно идут мне на встречу, четвёртый нарисовался со стороны спины. Ну-ну, давайте, летите мотыльки на огонёк – поговорим! Останавливаюсь,

делаю пару шагов в сторону так, чтобы решётка сада прикрыла мне спину и жду. Подходят. Двое в двух шагах передо мной, один чуть сзади и ещё один стоит с другой стороны, но подальше, скорее всего на шухере.

О! Какая встреча! А я то думаю, что это за *манерный френер ляльку* вечером по Питеру гуляет! А это "Контрабас"! Или я вижу привидение? в голове стремительно летит мысль, что один из них меня знает: Где и когда я мог слышать этот голос? Сразу не могу вспомнить где?

Темнота скрывает лицо говорившего и лица его дружков, поэтому решаю проявить интерес:

Не признаю. Ты кто, *гумозник? Обзавись!*?

За свою *пургу* ответишь! звучит голос из темноты: Это "Крюк". Или ты уже забыл меня? Мы с корешками тебя срисовали ещё, когда ты свою девку по Суворовскому вёл, до больницы.

"Шляпа! Расслабился! Был такой *резвый жиган* у "Цезаря". А ведь "Крюк" это уже серьёзно – *не сявка!*" вспоминаю бандита и задаю наивный вопрос: "А зачем *насли* то?"

У людей есть к Тебе один *базар!* Должок за тобой, скажу больше – *должище!* Придётся тебе "Контрабас" теперь с нами *хилать*. Тут рядом, жестко произносит "Крюк".

Какие долги? Тебе? Ничего за собой не знаю! Отвали вместе со своей *кодлой!* говорю ему так же жестко, стреляю глазами по сторонам, просчитывая свои действия.

С тебя *с-сучёнка*, получить за всё хочет "Хмурый"! Велел

приволочь тебя к себе на хату. Пытать тебя будем! – ребятаки подступают почти вплотную, пытаясь охватить меня в полукольцо.

"Хмурый" был на подхвате у "Цезаря", можно сказать правая рука, но его тогда *прижмурили!* Или выжил? Может, *блефует?* Не похоже, уж больно уверенно *держит мазу!* Надо как то выпутываться... " проносится в моей голове и я начинаю им откровенно хамить: *Фильтруй базар, а за "с-сучён-ка"* спрошу! Это первое! Некогда мне по гостям *шастать* – дела у меня! Это второе!

Ты, это... давай... двигай с нами! "Хмурый" наказал не церемониться – лишь бы *ботать* мог! после этих слов оба достали свои финки и встали в атакующую стойку.

Ну, "Х-хрюк"! Ну, напугал! Фу! Уморил! своим пренебрежительным смехом пытаюсь хоть немного отвлечь их внимание, одновременно левую руку поднимаю к козырьку кепки и резко кидаю свою "восьмиклинку" в одного из бандитов.

В темноте не совсем понятно, чем в тебя запустили и поэтому оба сразу же немного отпрянули назад.

Этого мига мне хватило, чтобы верный "Коровин" крепко лёг в ладонь. Без промедления нажимаю два раза спусковой крючок, быстро делаю разворот тела на 180 градусов, потом навскидку стреляю в того бандита, что стоял отдельно от своих дружков. В ночной тишине гремят три пистолетных выстрела. Четвёртый бандит от неожиданности спотыкается, падает на асфальт, встаёт на четвереньки, быстро

перебирая руками и ногами, пытается по-собачьи убежать. Так же быстро делаю четвёртый выстрел – готов! Вижу, что этому "герою" пуля попала прямо в голову и, похоже, что я вышиб ему глаз. Подбираю свою кепку, делаю контрольный выстрел, потом ещё один. Подхожу к тому, кто был на подстраховке – бандит подаёт признаки жизни – слабо шевелится и стонет, рядом с вытянутой рукой на асфальте валяется наган. Подбираю оружие и пока кладу в боковой карман пиджака. Мне опять повезло выпутаться из очередной смертельной истории!

"Я же говорил, что мне некогда и у меня дела!" делаю седьмой выстрел, на голову возвращаю свою "восьмиклинку", ноги в руки и бегом, подальше от этого места. В обойме пистолета остаётся последний патрон. Убираю "Коровина" подальше...

Лишние расспросы, вопросы и допросы мне совсем не нужны, особенно от бойцов патруля или ментов. В тишине слышны залиvistые трели сигнальных свистков. Ещё бы – Центр города!

Бегу через Кирочную улицу и снова попадаю на Суворовский проспект, по которому начинаю идти спокойным шагом. Подхожу к воротам знакомого мне "Окружного госпиталя" и пытаюсь пройти на территорию. Пожилой мужик в заношенной красноармейской форме, нелепо сидящей на теле, преграждает мне дорогу. Этот "Папаша" службу знает и он неумолим:

Не положено! Утром приходи! Сейчас начкара вызову!

Да погоди ты, отец! Я уйду, только скажи мне одно слово – машины, что утром раненых привозили с Дубровки, уже ушли?

А те, зачем? Мы тут справок не даём! Паря, а ты часом не шпиён? получаю суровый ответ.

Ага! Нашёл шпиона! Очень хочу повидать одну девушку! Докторша, красавица с медалью! Её Марией зовут? А, отец? продолжаю упрашивать часового.

Опоздал ты! Только что ушли машины на энту, треклятую Дубровку! Минут десять назад как выпустил за ворота, уже нормальным голосом отвечает мне часовой.

Видно не судьба. Тогда я пошёл. Прощай, отец! медленно ухожу...

Не успел пройти шагов пятьсот, как слышу, что кто-то меня догоняет. Слышу, как за спиной звонко подковки стучат по асфальту. Наверняка опять по мою душу! Так и есть! Слышу шумное дыхание людей. Это ночной патруль!

Гражданин! Остановитесь! громко командует старший патруля. Останавливаюсь, руки держу внизу, спокойно смотрю на бойцов с оружием.

Прошу предъявить патрулю свои документы и пропуск! Старший патруля лейтенант Петрищев, представляется молоденький командир.

Вот мои документы и пропуск. Возьмите, пожалуйста! достаю из внутреннего кармана пиджака служебное удостове-

рение и пропуск, позволяющий мне ходить по ночному Ленинграду, и отдаю в руки лейтенанта.

Откуда следуете? строго звучит вопрос. При свете мощного луча фонарика командир внимательно рассматривает все мои "бумаги".

Следую из окружного госпиталя. Девушку провожал на фронт. Колонна машин ушла минут пятнадцать назад. Сейчас возвращаюсь домой, произношу слова и молчу.

Вы тут ничего подозрительного не замечали? Выстрелы не слышали? не отстаёт лейтенант.

Слышал штук пять или шесть глухих хлопков где-то там далеко, отвечаю командиру и одновременно показываю рукой в сторону Кирочной улицы.

И всё? этот "летёха" совсем без стеснения освещает моё лицо, потом ещё раз удостоверение. В темноте он хочет сличить фотографию, вклеенную в моё удостоверение, с оригиналом.

Да, всё! А что ещё я должен был услышать? произношу слова, пытаюсь изобразить на лице некоторое недоумение.

Товарищ младший лейтенант ГБ, возьмите ваше служебное удостоверение и пропуск, старший патруля отдаёт документы.

Прошу извинить нас за беспокойство! Служба! козыряя, все трое отдают честь, и быстро растворяются в темноте Суворовского проспекта.

Я пошёл своей дорогой, направляясь к дому на Гагарин-

ской улице.

Утром, приводя одежду и обувь в порядок, заметил, что бандитское лезвие пробило в кепке небольшую дыру. Кепка была фасонистая и выкидывать её было жаль – пришлось в спешном порядке лечить эту "бандитскую рану".

Глава 7. Майор ГБ Туров

Ранним утром того дня, когда Горский ещё только-только закончил делать разминку, умылся, привёл в порядок лицо и позавтракал, собираясь отправиться на прогулку по летнему Ленинграду, а потом во второй половине дня к назначенному сроку прибыть в Управление, майор Туров уже давно был в своём кабинете и занимался делами. В приёмной хозяйничала помощница, именно помощница, а не секретарь-машинистка, как официально называется такая должность. Мария Петровна была женщина в годах, со следами былой красоты, но по-прежнему стройная и милая. С Туровым она работала уже несколько лет, прекрасно понимала своего начальника и добросовестно выполняла всё, что положено, более того, старалась оградить его от различных хлопот, связанных с делопроизводством и другой бумажной рутинной. Когда Туров приезжал на службу, Мария Петровна бросала свою "вечную" работу на старенькой печатной машинке "Ундервунд", вставала из-за своего рабочего места, брала в руки заранее приготовленные небольшой планшет, карандаш, листы бумаги и в полной готовности ждала распоряжений на день, чтобы немедленно их записать. Сегодня Туров пришёл в приёмную, поздоровался с помощницей, спросил как дела, ответил на её вопрос, сообщив женщине, что на сегодня пока распоряжений не будет, потом проследовал к себе в кабинет.

Ближе к обеду, собираясь сходить на перекур, а затем уехать на пару часов по делам, майор вышел в приёмную и спросил:

Мне должны были делегатом связи доставить из Москвы большой пакет! Его принесли?

Нет, Николай Николаевич, ещё не приносили. По ВЧ-связи звонил Сомов и просил сообщить вам, что то, что вы просили, без подписи Зам. Наркома, который появится только завтра или даже послезавтра, они не отправят! Он сейчас в командировке где-то на Кавказе, и нам придётся ждать его возвращения. Они там, в Москве, вечно перестраховываются, ссылаются на какую-то инструкцию, говорят, что нарушение.

Ладно! Подождём, время ещё терпит, сказал вслух майор, затем обратился к помощнице с просьбой: Мария Петровна, я на сегодня к 15-00 пригласил на беседу одного товарища, но боюсь, что не успею точно приехать ко времени. Вы скажите дежурному, чтобы проводил этого товарища прямо сюда, к нам в приёмную, пусть он у вас на глазах посидит на диванчике и здесь меня подождёт. А вы, голубушка, посмотрите на него со стороны, не предвзято – мне важно будет услышать и ваше мнение тоже.

Утром звонили коллеги из милиции – этой ночью в городе было не спокойно, просили посмотреть сводку всех происшествий по городу, сообщает начальнику Мария Петровна. Я распорядилась и сводка уже у меня.

Эту сводку прошу принести ко мне в кабинет, я потом по-

смотрю... Хотя, если она у вас под рукой, то дайте её мне сейчас.

Николай Николаевич, вот эта сводка, пожалуйста, возьмите, Мария Петровна подала в руки майора несколько отпечатанных типографским шрифтом листков, быстро найдя их в одной из папок, лежащих у неё на столе.

Решив, что ещё немного задержится и чуть позднее покурит на улице, Туров вернулся к себе в кабинет и начал внимательно изучать написанное в сводке. В кабинете майор не стал снимать верхнюю одежду и садиться за свой письменный стол, а подошёл к приставному столику, положил на него свою фуражку и начал читать, иногда не громко зачитывая некоторые предложения вслух:

Так, тут у нас грабёж... В боновые заграждения на Неве, установленные в районе Уткиной заводи, прибило связку из нескольких бревен с якобы разбитой гонки с прикрепленной к ним миной... Интересно этот "подарок" прошляпили посты ВНОС, наблюдающие за фарватером реки в районе Овцыно и на водокачке 5-й ГЭС или отправила чья-то вражья рука уже из черты города?

Какая-то сволочь в Невском районе пускала ночью ракеты. Не поймали. Зачем? После апрельской бойни, когда зенитчики насбивали приличное количество вражеских самолётов, немцы бомбить город временно не летают. Наводили кого-то другого? Дальнобойные орудия? Бред!

Задержали двух дезертиров, "комендачи" сами разберут-

ся.

Нарушение светомаскировки, мелочь.

Появились враждебные листовки, тоже разберёмся.

А вот это уже серьёзно! цепкий взгляд майора выхватил нужные строчки и он стал читать, что этой ночью убили троих бандитов и ещё одного тяжело ранили в голову. У всех при себе были ножи, которыми они не успели воспользоваться. Убили из пистолета – семь выстрелов. По предварительной оценке убийца действовал в одиночку и безнаказанно выпустил полную обойму! Каждый из "потерпевших" напоследок получил по пуле в голову. Наглец! Всё случилось в двадцати минутах ходьбы от здания их Управления! Личности убитых устанавливаются. Раненого доставили в больницу, сделали операцию, но он пока лежит без сознания... Чего они ночью не поделили? Или это был классический "гоп-стоп"? Если выяснится, что убитые из мира криминала, то туда им и дорога – в городе только "чище" будет, громко, с нотками восхищения произносит Туров: – И ведь не побоюсь! Один против четверых!

Судя по гильзам калибра 6,35мм, которые удалось подобрать на месте трагедии, могли стрелять из "Байярда", "Браунинга" или из нашего "Коровина", продолжил читать сводку майор.

Кто же это может быть такой "умелый" – уж больно грамотно он их "зачистил"? Может "гость" прибыл с той стороны и здесь случайно нарвался? Эта публика, майор имел в

виду бандитов, сейчас забились по углам и старается по пустякам носа не высовывать – ведь расстрел на месте преступления по законам военного времени никто не отменял! Теперь у начальника милиции будет ещё одна головная боль! размышлял майор Туров, прочитав сводку. Он не стал далеко убирать листок, т.к. собирался позднее ещё раз перечитать, всё тщательно переварить и осмыслить. Уходя из кабинета, Николай Николаевич обратился к секретарю:

Мария Петровна, я уехал. Постараюсь прибыть к 15-00. Вы остаётесь на хозяйстве, за главного!

Глава 8. Знакомство и разговор с майором Туровым

Я прибыл в Управление к назначенному времени. Ленинградцы, после постройки этого монументального восьмиэтажного дома, стали называть здание, не иначе как "Большой дом". Это негласное название намертво приклеилось – грозное учреждение все только так и именовали. "Потому, что из кабинетов этого дома очень даже запросто можно увидеть Колыму или Кандалакшу!" с долей иронии "шутили" горожане! Первый этаж здания поражал своим фасадом, который был облицован гранитными плитами и обилием больших окон. К входу постоянно подъезжают и отбывают много легковых автомобилей. На стоянке, что находится на прилегающей улочке, стоит тоже много автомобилей самых разных моделей. Фары всех машин забраны брезентовыми чехлами с небольшими прорезями для направленного пучка света, который в темноте способен осветить путь только на расстоянии 10 метров впереди движущегося автомобиля. Водители обязаны соблюдать светомаскировку при поездках в ночное время суток. Взгляд отметил, что по сравнению с весной 1940-го года у здания машин стало заметно меньше.

Открыв тяжёлую входную дверь, попадаю в вестибюль с высоким потолком и шестью колоннами из чёрного мрамора, поднимаюсь по широкой, сделанной из серого плитняка,

лестнице с перилами. Лифты временно не работают. Приходится идти по ступеням, на которых закреплена широкая ковровая дорожка красного цвета. На лестничной площадке третьего этажа расположен пост дежурного сотрудника. Эта площадка своим видом напоминает уменьшенную копию главного вестибюля, только чёрных колонн всего две. Впрочем, на всех других этажах лестничные площадки такие же. Дежурный буравит меня с ног до головы своим строгим взглядом, затем просит предъявить документы или повестку. Достаю из внутреннего кармана пиджака своё удостоверение и уверенно его протягиваю дежурному сержанту – тот внимательно рассматривает в моём документе вклеенную фотографию, печать, подпись, затем пристально смотрит мне в лицо. Дежурный сличает изображение на фотографии с оригиналом и, удостоверившись, что всё в полном порядке, кладёт документ на стол, открывает свой журнал, вносит соответствующую запись о посещении и выдаёт мне пропуск. Когда буду возвращаться назад, дежурный в другом журнале сделает отметку о выбытии, заберёт пропуск и только тогда позволит мне покинуть это здание.

Товарищ Горский, вы знаете, куда следует пройти? спрашивает сержант, возвращая пропуск и видя моё лицо, начинает объяснять, как не заблудиться в местных коридорах. Поднимитесь на пятый этаж, на лестничную площадку, далее пройдёте вправо по коридору, не доходя до конца, найдёте третий кабинет от окна. На дверях увидите табличку с

номером кабинета. В нём вас ждут.

Спасибо! Не заплутаю! отвечаю дежурному и спешу подняться на пятый этаж. В этом здании все коридоры длинные, с надраенными паркетными полами из натурального дуба, под высокими открытыми потолками подвешены электрические лампы, которые не ярко освещают весь путь. Туда-сюда деловито ходят сотрудники и сотрудницы, кто-то носит военную форму, но большинство одето в гражданскую одежду. Замечаю, как конвойные, с соблюдением всех мер предосторожности, ведут арестованных на допрос и с допроса. Вся обстановка, интерьеры и спешащие по делам люди невольно настраивают на серьёзный разговор в этих стенах. Даже агитационный плакат, висящий на стене в вестибюле, на котором женщина поднесла ко рту палец руки, с суровым видом смотрит на тебя и призывает "не болтать!", сразу же даёт понять входящему, что в этой "конторе" к шуткам совсем не расположены! Кабинет нашёлся быстро. Секунд десять топчусь перед дверью, настраивая себя на разговор. Не сильно стучусь в дверь, открываю её и со словами: "Разрешите войти?" прохожу внутрь кабинета и оказываюсь в начальственной приёмной, и увидел сидящую за столом пожилую опрятно одетую даму в очках, деловито что-то стучащую на печатной машинке.

Здравствуйте! Меня зовут Владимир Горский. Мне назначено к товарищу Турову, на 15-30, начинаю знакомиться и одновременно докладываю о своём прибытии.

Здравствуйте, молодой человек! Меня можете называть Мария Петровна. Я секретарь Николая Николаевича. Не стесняйтесь и присаживайтесь на диванчик или вот, на тот стул, что стоит ближе к двери. Володя – мне можно так ВАС называть, по имени? мягким тихим голосом приглашает меня Мария Петровна.

Да, пожалуйста! Спасибо! отвечаю даме и присаживаюсь на предложенное мне место.

Товарищ майо, задерживается и ВАМ придётся его подождать. Вы ведь не сильно торопитесь? подкалывает меня Мария Петровна.

И рад бы смыться, да смелости не хватает! А ещё меня учили в детстве, что не прилично проявлять неуважение к старшим! Могут же и осерчать! с открытой улыбкой, в тон женщине отвечаю на её подколку.

Володя, а как ВАМ наш город показался? совсем запросто, спрашивает меня новая знакомая.

Потрясён, удивлён и очарован! кратко отвечаю, а сам думаю о Марии, о том, как она добралась до своего медсанбата и вспоминает ли обо мне. Смущённо улыбаюсь, вспоминая концерт, прогулку и наше трогательное прощание...

Да вы немного романтик! произносит Мария Петровна после моих слов и загадочной улыбки на лице.

Майор Туров задержался на двадцать минут. Внезапно входная дверь открылась, на пороге приёмной появился мужчина среднего роста, с умными усталыми глазами, оде-

тый в кожаное пальто, военную форму из дорого материала, без знаков различия и фуражку с красной звездой на околыше, из-под которого видна седина волос, его тонкие губы над волевым подбородком говорят о силе характера. Он мельком взглянул на меня и произнёс, что ждёт через три минуты у себя и проследовал из приёмной в свой кабинет. Такую одежду обычно носят партийные товарищи или военные в больших чинах.

Ровно через три минуты переступаю порог его кабинета.

Разрешите войти! Товарищ майор государственной безопасности, младший лейтенант ГБ Горский прибыл по Вашему приказанию! чётко произношу слова доклада.

Проходите к столу и присаживайтесь на любой стул! в дополнение слов хозяин кабинета жестом руки показывает мне, куда можно "приземлиться" и, видя, как я скромненько присаживаюсь на стул в дальнем конце стола, заставляет меня пересесть на другое место. Да нет, не туда! Ещё ближе! Да, теперь правильно! потом представляется: Меня зовут Туров Николай Николаевич, я начальник одного из отделов в Управлении, между прочим, у немцев мой чин приравнен к генеральскому званию.

Я невольно, встаю со стула и вытягиваюсь "во фронт"! Довольный произведённым впечатлением майор тоже поднимается со своего места и с улыбкой на лице произносит: Будем знакомы! затем подходит ко мне и протягивает свою крепкую руку для рукопожатия. В ответ тяну навстречу свою

ладонь. Мы крепко пожимаем друг другу руки. Чувствуется, что у начальника отдела в руках есть немалая силушка. Крепкий мужик!

Прошу садиться – ведь в ногах правды нет! Разговор у нас будет долгий, интригует меня майор.

Затем мы, изучая друг друга, начинаем непринуждённо беседовать – вернее Туров задавал мне вопросы, а я на них отвечал. Сначала пришлось рассказать Турову, о том, где я родился и учился, о службе на дальневосточной пограничной заставе, о том, что закончил "номерную" спецшколу", после которой был отправлен в загранкомандировку и попал под следствие, рассказал о моих "приключениях" в Ленинграде, затем о боях на Карельском перешейке. Отдельно рассказал о том, что позднее продолжил службу в Западной Белоруссии, как встретил войну на границе и потом партизанил, был два раза ранен и эвакуирован на Большую землю, снова попал под следствие, но "органы" во всём разобрались. Туров молча слушал меня и не перебивал, делал какие-то записи в свой блокнот, что-то обдумывал, спрашивал, уточнял и опять делал своим карандашом в блокноте пометки. После всех вопросов-ответов Николай Николаевич помолчал с минуту, затем достал из ящика своего стола начатую коробку папирос "Казбек", подарок московских друзей, доставаемую им только по особым случаям и спички с краснозвёздным самолётом на этикетке.

Ты куришь? предлагает Николай Николаевич, вытаски-

вая две папиросы, одну из которых по-дружески протягивает мне.

Спасибо, товарищ майор! Я не курю! вежливо отказываюсь.

Совсем молодец! хвалит меня майор, затем убирает лишнюю папиросу в коробку, сминает гармошкой мундштук своей папиросы, прикуривает от спички, затягивается и выпускает в потолок сизый табачный дымок. Он медленно выкуривает папиросу, тушит окурочок, убирает его внутрь вычурной пепельницы, потом произносит:

Владимир Владиславович, у меня к ВАМ есть один очень серьёзный разговор....

Глава 9. Разговор Турова с Горским

После ухода Горского начальник отдела вышел в приёмную и попросил Марию Петровну принести стакан чая, потом, словно забыл о главном, распорядился:

И ещё... Прошу ВАС в течение часа никого ко мне в кабинет не пускать и по телефону ни с кем не соединять. Чтобы никого не вводить в заблуждение – так прямо и скажете, что Николай Николаевич сильно занят и просил его не беспокоить. Мне нужно посидеть в тишине и поработать, чтобы никто не мешал.

Мария Петровна постучалась и прошла к Турову, принесла на подносе стакан крепкого чая, поставила его на край стола, дождалась, когда начальник в знак благодарности кивнёт ей головой, затем бесшумно покинула начальственный кабинет...

Николай Николаевич, держа в руке стакан с чаем, делает несколько маленьких глотков обжигающего напитка, ставит стакан на сукно стола, достаёт из коробки папиросу и прикуривает её от зажжённой спички. Не вставая, он откидывается на спинку кресла, вытягивает ноги, закрывает глаза и с удовольствием начинает пускать в потолок сизый дымок. Наслаждаясь курением папиросы с душистым табаком, майор начинает прокручивать в голове весь разговор с Горским...

Перед началом непростого разговора по душам, мужчи-

ны познакомились. Затем, соблюдая заведённый порядок, расспросив Горского о его жизни, майор предложил тому поучаствовать в одной почти невыполнимой и рискованной операции, очень необходимой нашему командованию.

Пойми меня правильно, для выполнения нового задания мне нужно знать, что ты осознанно готов пойти на риск, и тут мало услышать добровольное согласие на участие в этой операции, майор начал переводить беседу в деловое русло.

Видимо Горский сразу не совсем понял, что от него хочет этот пожилой чекист и ответил несколько вспыльчиво и раздражённо:

Буду служить там, где мне прикажет командование, но не хочу, я ещё раз подчёркиваю – не хочу служить в нашем героическом тылу! Я не отдал и сотой доли того долга, который у меня накопился к фашистам, начиная ещё с прошлого года, а быть долго должником для меня неприемлемо! Прошу вас, товарищ майор, учесть это обстоятельство. По прибытии из командировки, собирался подать соответствующий рапорт, с просьбой отправить меня в партизанский край Западной Белоруссии. Спросите, почему именно туда – те места мне очень хорошо знакомы.

Плохо младший лейтенант, совсем ни к чёрту! Расслабились! Где ВАША выдержка? Не дослушали старика! пожурил собеседника Туров и тут же продолжил: Мы хотим предложить ВАМ выполнить задание в тылу... во вражеском тылу за линией фронта! У немцев, при группе армий

"Север", действует сильный, хорошо организованный разведывательный орган. "Абвер" создал на временно оккупированных территориях СССР сеть диверсионно-разведывательных школ, где из наших граждан готовят агентов и диверсантов. Командование интересуют самые сильные школы, расположенные под Ленинградом и в Пскове. Поставлена непростая задача – вам предстоит попасть в их тыл и постараться проникнуть в "Абвергруппу-104", и не просто туда проникнуть, а стать для фашистов и для их прихвостней своим человеком, быть преданным им на все 100%! Скрывать не буду – задание сложное и почти невыполнимое, как не буду скрывать и того, что двое наших товарищей погибли, ещё от двоих нет никаких вестей уже длительное время, а из двадцати четырёх разведывательных групп, с начала года заброшенных нами во вражеский тыл, двенадцать немцы разгромили и уничтожили!

Горский, сидя на стуле перед майором, смотрит ему прямо в глаза, переваривая в своей голове услышанную информацию, потом медленно произносит:

Товарищ майор, я понимаю всю важность задания и готов рискнуть! после этих слов Владимир с минуту молчит, видимо собираясь с силами, чтобы сказать майору свои сомнения, потом говорит ещё: Но, есть одно но!

Скажи, что тебя смущает? Что не так? Я отвечу! этими словами Туров пытается узнать причину сомнений своего визави.

Меня смущает, что будет с моим честным именем? Да! Моё честное имя! Я слишком долго доказывал, что не верблюд и честен перед людьми и нашей Родиной! Теперь, прикажете, всё пустить под откос? Вы же отлично понимаете, что "там" придётся стелиться под каждого "фрица" или "ганса", угождать любому иуде из бывших "наших"! А по-другому выбиться у них в "люди" не получится! Но и это ещё не самое главное! Горский опять умолкает.

А что же ещё может быть главнее измены? А, Володя? спрашивает майор.

Они могут устроить всё таким образом, что мало не покажется! И будут правы!

Как это?

Всё просто, как божий день! Я знаю, как это делается, и мне самому приходилось иметь дело с людьми, прошедшими через это! Я лично допрашивал перебежчиков и предателей, ещё там... в Белоруссии, когда немцы засылали их в отряд, начинает объяснять Горский, но замолкает, просит разрешения выпить стакан воды и потом продолжает говорить: Они большие мастера "вязать" людей кровью! Пленному дают в руки оружие и ставят в шеренгу расстрельной команды. Рядом стоит фотограф! У гестаповцев такие "спектакли" отработаны до мелочей! Если не станешь стрелять, то следующим к стенке поставят уже самого тебя, как сочувствующего большевицкому режиму! У такого человека уже нет обратного хода к своим! Именно из таких "крестников" и получа-

ются самые преданные и верные агенты.

Туров вспомнил, как после всего сказанного, он быстро встал из стола, достал папиросу, прикурил её от спички, вышел на центр кабинета, молча, пару раз прошёлся туда и обратно по дубовому паркету пола, собираясь с ответом, потом подошёл к Горскому, посмотрел ему в глаза и произнёс строго официальным тоном:

Вам, младший лейтенант, закурить не предлагаю, раз не курите! Но я вас услышал и хочу сказать в ответ, что в нашем деле, вернее в нашей чекистской работе и за годы борьбы всегда складывается так, что интересы Родины всегда выше личных интересов! Это азбука! Не исключаю, что то, что вы мне рассказали, может произойти и с вами – всего предусмотреть невозможно... Разведка это тяжёлая каторжная и дурно пахнущая работа, но без неё не может обойтись ни одно государство. Да, жертвы неизбежны! Как старый чекист и большевик, хочу тебе сказать, что ни малейшая тень не упадёт на твоё честное имя! Обещаю! после этих слов Турову показалось, что Горский как-то сразу воспрял духом, и он решил окончательно развеять сомнения молодого сотрудника, просто спросил: Володя, тебе довелось прочитать роман Шолохова "Поднятая целина"? Да? Читал, говоришь? А раз читал, то должен был запомнить один из эпизодов романа, за который писателю пеняли разные критики и пожурили на Политбюро. Помнишь, когда Макарка Нагульный говорит, что если для победы Коммунизма будет нужно поставить к

стенке кучу стариков, баб и сопливых детишек, а потом пустить их всех в распыл, открыв огонь из пулемёта? И, что для достижения Победы, его рука совершенно не задрожит, и он сам готов лечь за гашетки этого пулемёта! Я, конечно, говорю примерно, не дословно, но по сути всё так и написано. Настоящий разведчик должен быть готов ко всему! Наша война особая – не нажимая на спусковой крючок, мы уничтожаем сотни и даже тысячи врагов! Сможешь там, у немцев, избежать такой ситуации – считай, что тебе повезло! А если обстоятельства сложатся так, что не сможешь – знай, твоя рука задрожать не должна! Не имеешь права! Это приказ! А что касается твоей совести, то ты не инфантильный школьник и всё сам должен понимать... майор не договорил предложение и замолчал на полуслове. Затем, глядя Горскому в глаза, начальник отдела решает закончить этот нелёгкий для обоих разговор, произнеся следующие слова: Одним словом, товарищ младший лейтенант, без добровольного согласия никто вас к немцам не отправит. Вы, Владимир Владиславович, хорошенько подумайте, готовы ли пойти на жертвы и выполнить наше задание? Если откажетесь, я пойму!

Горский поднимается со стула, выходит из-за стола, поправляет одежду, встаёт по стойке смирно и чётко произносит:

Товарищ майор Государственной Безопасности, Я готов выполнить любое задание, которое поручит мне командование! Обещаю, что оправдаю высокое доверие Родины и не

подведу!

Вот и молодец! из уст Турова звучит похвала.

Разрешите ещё вопрос?

Задавай!

Когда прикажете приступить к выполнению задания?

Милай, ящё вчерась было надоть! со сдержанной улыбкой на лице, необычно ответил майор, натурально подражая голосу псковского крестьянина начала века...

Они ещё долго говорили, обсуждая предстоящую операцию в общем и целом её видении, не затрагивая пока различные нюансы и мелочи. Туров предложил подумать над разными вариантами легендирования разведчика, способом заброски в немецкий тыл. При самом беглом рассмотрении, выходило, что для полной отработки легенды Горскому, с учётом его прошлых "знаний", будет необходимо три – четыре недели и то, если работать над легендой даже по ночам, оставив лишь немного времени для короткого сна, разминки, приёма пищи и оправки. По прикидкам обоих до конца августа должны были нормально уложиться.

Засиделись мы с тобой. На сегодня всё! Володя, Ты ведь в нашем деле воробей стрелянный, помозгуй до завтра, что ещё можно предложить "Абверу", чтобы они тебе поверили. Сможешь? А завтра, с раннего утра жду тебя здесь, с более детальными мыслями и предложениям, на прощание ставит задачу майор...

И Горский не подвёл! На следующий день он предложил, что ему удобнее всего будет примерить на свои плечи личину младшего командира, званием не больше сержанта. Причём подставить немцам нужно не простого сержанта из пехоты – кому он будет интересен на той стороне! Владимир предложил следующую легенду:

Нужен сержант из армии ПВО города, зенитная батарея которого дислоцируется в одном из районов города, рядом с рекой Нева. Этого раздолбая за какие то "грехи" разжаловали и отправили на передовую, а он решил перейти на сторону врага, да не просто перебежать, а раскрыть некоторые сведения о зенитной обороне города! Далее, младший лейтенант сообщил, что с артиллерией знаком и даже перед войной, для дела, освоил одну из пушкарских "профессий".

Почему Нева? задал вопрос Туров.

Флот стоит на якоре по всей речке. По моей наводке "утопим" один корабль, а ещё лучше подводную лодку! Товарищ майор, у ВАС есть на примете лишняя подводная лодка? Нет? пошутил Горский и продолжил дальше излагать свою, пахнущую безумством, идею: Значит, надо будет её построить! Из бочек, кровельного железа и дерева сделаем макет, который закроем сетями и другим камуфляжем, например, под дровяную баржу, а когда прилетят "соколы Геринга", взрывом до небес её рванём! Но и это ещё не всё – нужно найти какую-нибудь заброшенную церковь или собор у реки, которые не жалко разнести по кирпичику, разместить на ко-

локольные якобы пост ВНОС ПВО, рядом установить пеленгаторную станцию "РУС", со всеми её антеннами и растяжками. А на "десерт" засветим батарею МЗА, что прикрывает от вражеской авиации всё это хозяйство! Пусть бомбят! Данные будут интересные, но не совсем свежие... ведь зенитки со временем могли и переставить на другое место, лодка уйти в поход или сменить место стоянки, а станция переехать в неизвестном направлении. Но это будет не правильно с точки зрения правдоподобности, они мне могут не поверить и начнут проверять! Горский прервался и посмотрел на изумлённого майора.

А, ты парень, нахал! только и смог произнести Туров, обдумывая в голове всё услышанное.

Товарищ майор, так ведь в нашем деле без куража и наглости, ну, никак нельзя! парировал "похвалу" Горский.

Нет, вы только послушайте, как всё красиво у нас танцуется – немцам прекрасно известно, что Балтфлот заперт в городе и стоит на стоянках по каналам и вдоль набережных. Боец зенитчик со своей батареей прикрывает ПЛ, которую ремонтируют ещё с осени, о том, что идёт ремонт, он сообразил, видя, как к лодке подъезжают грузовые машины, привозят детали, какие-то механизмы, что-то забирают и увозят. Матросы строем приходят и уходят – спрашивается зачем? Потом, ближе ко времени, можно даже разыграть загрузку боевых торпед, будто бы перед предстоящим походом. Я "им" расскажу, что на лодке ремонт уже закон-

чен, успешно прошли ходовые испытания, проведены пробные погружения, благо невиские глубины позволяют это сделать и уже почти всё готово для отправки в боевой поход. У церкви тоже заметна постоянная суета и зачем-то пригнали машину с большой будкой вместо кузова. Бойцы возле неё суетятся – всякие штыри и мачты устанавливают и вертят. По большому секрету знаю, что это мудрёная техника "видит" самолёты ещё на их подлёте к городу. Простой боец во время войны очень ограничен в передвижениях, поэтому и надо все объекты найти и разместить рядом друг с другом. Всё надо "разместить" так, чтобы их с трудом, но можно было рассмотреть в объектив камеры воздушного разведчика, а затем расшифровать на фотоплёнке – сначала у нас, а уже потом у немцев! Если сможем устроить такой спектакль, и мне повезёт к ним добраться, то "немец" обязательно прилетит и не раз! Над всей этой затеей нам с вами, товарищ майор, надо думать, думать и ещё раз думать! Горский закончил излагать мысли по своему легендариванию...

Он идеально всё придумал! Но позволит ли руководство нам городить весь этот огород? Буду пробивать эту идею у Комиссара, а если нет, то дойду до самого Зам. Наркома или даже до товарища Берия! А готовить операцию нужно немедленно! Туров отправил Горского, дав задание найти подходящее место для размещения всей бутафории, вызвал Марию Петровну, отдал ей распоряжение, чтобы она оповестила сотрудников отдела о срочном совещании в его кабинете,

а сам сел писать рапорт на имя начальника Управления.

Глава 10. Подготовка к заданию

Место проживания пришлось поменять – переехал на конспиративную квартиру в другом доме, расположенном в одном неприметном переулке в Центральном районе. Из окна вижу Неву и Охтинский мост. Изучаю этот район города. Меня заинтересует его промышленная составляющая – здесь находится много работающих фабрик и заводов с их дымящимися высокими трубами. Складские помещения выходят прямо на Калашникову набережную, названную так в честь, известного всей царской России, купца. Запоминаю улицы и переулки, дотошно вникаю в разные мелочи быта, много читаю газет и журналов, вышедших за последний год. Ездил на "экскурсию" к линии фронта с финнами, по старой границе, которая проходит в курортных местах отдыха ленинградцев, запоминал названия дорог и посёлков, их расположение, выходил на берег Финского залива. По легенде срочную службу мне пришлось пройти именно в этих дивных местах. На три дня был откомандирован на центральный командный пункт ПВО города, где читал и запоминал хронику боевых действий зенитных подразделений, начиная с 1939-го года, фиксируемую с самого начала Финской войны и по наше время. Особое внимание уделил действиям "своего" зенитного полка и батареи, впитывая, как губка, любую информацию не только о боевых делах подразделения, но и о несчастных

случаях, всех нарушениях и курьёзах, запоминал лица и заучивал фамилии командиров. После тихой работы с бумагами, почти неделю жил в казарме батареи МЗА, узнал людей, изучал материальную часть, способы ведения огня на разных высотах, особенности используемых зенитных снарядов, тренировался вместе с другими бойцами. Пришлось не слабо побегать и сильно попотеть, подменяя одного из номеров орудийного расчёта на тренировках по развёртыванию орудия и приведению его к бою. Своими глазами увидел работу расчёта, запомнил все команды, освоил специальности подносчика снарядов и трубочного. А потом загредел на "губу"! Эта "командировка" запомнилась мне надолго! Следуя разработанной легенде, меня под видом подсудимого определили на центральную гарнизонную гауптвахту, отобрали поясной ремень, постригли под ноль и поместили в общую камеру, где содержались проштрафившиеся бойцы и командиры, причём все вместе. Исключение делалось только для командного состава рангом не ниже майора. Проинструктированный караульный провёл меня по всем местам, заставил вымыть в туалете галюны, затем я драил полы в коридоре, выносил мусор и отходы с кухни. Днём проводились строевые занятия на внутреннем плацу комендатуры. После такой стажировки, придя к себе на квартиру, нагрел воды и долго мыл своё тело. Дальше все мои занятия проходили под руководством опытных инструкторов...

В один из дней приехал Туров и сообщил, что ему удалось

пробить идею с "подводной лодкой" и получить разрешение. Майору самому пришлось поехать на Аптекарский остров к церкви, где расположился только что построенный замаскированный флагманский командный пункт самого Командующего Балтийским флотом.

Мрачный склеп с потолком, стенами и полом из толстых бронированных плит и прочнейшего корабельного бетона. Но, как ни странно, флотские в этой броневаой коробке бункера, напоминающем отсеки корабля, превосходно себя чувствуют и работают, – так позднее рассказал о своих впечатлениях от всего увиденного майор Туров.

Вице-адмирал Трибуц в присутствии членов Военного Совета проводил оперативное совещание, после которого с явным раздражением и неохотой согласился выслушать Турова и, после их "беседы", сначала ответил категорическим отказом, сказав, что Флот не будет участвовать в этой авантюре, но после железных доводов "гэбэшного" майора, дал добро, назвав разведчиков большими придумщиками. Местом взрыва определили небольшую излучину Невы, у дома 32 на Калашниковой набережной, в том месте, где пришвартованы дровяные баржи.

По близости высится громада заброшенного Собора Бориса и Глеба. До войны здание было задействовано под склад хранения химических удобрений для сельского хозяйства, и лучшего места для организации ложного поста ВНОС нам не найти! Я лично забрался по лестнице на верхотуру соборной

колокольни, изучил и запомнил расположение всех внутренних помещений, потом проник в тёмный подвал.

В самом конце подготовки пришлось заучить явки, существующие пароли и шифры, мы придумывали свои пароли и отзывы, оговаривали способы радиосвязи, связи через газеты, с помощью телеграмм, писем или посылок. В очередной свой приезд с "инспекцией", Туров долго гонял меня по усвоенному материалу, обращал внимание на разные мелочи. Он так и сказал, что большинство "шпиёнов" и наших и вражеских гробятся, как раз, на простейших мелочах. Майор с минуту помолчал, думая о чём-то своём и начал говорить:

Я сейчас тебе кое-что расскажу, а ты послушай. В прошлом году мы к немцам забрасывали несколько наших групп и одиночек, но пока от них известий нет. Запомни, на той стороне должен был 100% закрепиться один наш человек. Где он у них сейчас обретается, я даже понятия не имею, и жив ли вообще. Но по воле случая, легенда у него получилась железная – он должен был на немецкую сторону перетаскать тяжело раненного в живот и в ноги командира с картой, на которой было нанесено много чего для них интересного. Изначально, по замыслу операции, на ту сторону должны были перейти двое – "командир" и "ординарец", но за сутки до заброски группы немцы проутюжили весь передний край из своих орудий. Один снаряд угодил прямо в землянку с нашими – троих разведчиков из группы сопровождения убило, четвёртого ранило, "командиру" осколки снаряда по-

пали в живот и перебили ноги. "Ординарцу" повезло больше – его легко контузило и ранило осколком в правое предплечье. Операцию отменять не стали. Немцы спустя сутки снова ударили своей тяжёлой артиллерией по нашим позициям, особенно по тем, которые были нанесены на карте "командира". Они не пожалели даже землянку с ранеными... Туров замолчал, видимо вспоминая то далекое событие.

Товарищ майор, не беспокойтесь, я всё понял, произношу слова. Если доведётся встретиться, от вашего имени передам привет.

Да, брат, такая вот получилась арифметика... Я тебе, Володя, дам пароль, который он знает, и подробно сообщу, как он выглядит... Мало ли, вам действительно доведётся там встретиться. Ещё запомни – у этого человека на кисти левой руки есть татуировка – солнце с лучами, чайка и море. Примет более чем... закончил разговор майор.

Не исключалась и такая возможность, что от меня придёт человек, передаст привет и сообщит информацию. Как один из запасных каналов связи предложил использовать переписку на полевую почту Марии, моей недавней знакомой. Как известно на войне вся почта полежит проверке военной цензурой и всё, что не подлежит огласке, вымарывается чёрной тушью. "Засвечивая" её полевую почту, я в тайне надеялся, что наши "органы" присмотрят за понравившейся мне девушкой, и вполне может даже уберегут, передислоцировал её медсанбат немного подальше от линии фронта. Правда, я

ещё знаю адрес деревни, где до войны жила девушка, о котором не стал никому говорить. В перерывах между подготовкой и занятиями написал Марии восемь писем, в которых заранее поставил разные даты. Перед самой отправкой успел забежать к Анне Андреевне, отдал ей оставшиеся продукты от пайка, рассказал, что надолго уезжаю, а девушку, с которой приходил сюда, потерять не хочу, поэтому прошу, чтобы она раз в месяц бросала пронумерованные конверты в почтовый ящик.

Наступила последняя декада августа. Наша операция началась. Я уже прогулялся на склад, где сдал на хранение, под роспись, весь свой не богатый скарб, – кладовщик обнадёжил, что всё будет в полной сохранности лежать до поры, как в сейфе. Пришлось разношивать красноармейскую форму, ношенную, второго или даже третьего срока носки, которую мне заранее подобрали уже на другом складе. Вид ещё тот – обычная "хэбешка", разбитые кирзовые ботинки с обмотками не первой свежести, пилотка, расплюснутым блином, сидящая на голове и выношенный ватник. Получил брезентовый ремень с однозубой простой пряжкой, подсумки для патронов, малую лопатку и противогаз в матерчатой сумке. Каску не выдали – бывалый каптёр, со смехом, посоветовал подобрать себе её "там", благо на передовой такого добра завались! В солдатском вещевом мешке, по-нашему в сидоре, уместились скромные пожитки – бритвенный прибор, перочинный ножик, фляга из стекла, металлический котелок,

кружка, пара белья, запасные портянки из приятной байки, белая и чёрная катушки ниток, две иголки, несколько пуговиц. При первом удобном случае вдел в иглы по метровому отрезку ниток и разместил их за отворотом "крыла" своей нелепой пилотки. Отрез от простыни заменил полотенце, в кисете для табака спрятаны чесночная головка в шелухе и бумажный кулёчек с горсточкой соли, ведь положенных по уставу полотняных мешочков не выдали. Соль и чеснок выменял на табак в людской толчее у Мальцевского рынка, когда изучал рыночные цены на продукты. Отдельно в лист газеты завернул конвертиком выписку из постановления трибунала на моё имя, две справки о ранениях с разными датами и совсем новую отличительную нашивку о ранениях, с двумя галунными полосками красного цвета. Такие знаки о ранениях были введены в РККА с июля этого года и должны носиться над карманом на правой стороне гимнастёрки бойца или командира. Свои "документы" временно положил внутрь котелка и убрал в сидор. Большого имущества бойцу штрафного подразделения иметь не положено.

Глава 11. Туров и стажёры

Утром 15 августа майор рано приехал в Управление, поднялся к себе на этаж и по коридору неспешно прошёл в свой кабинет, не переставая обдумывать разные нюансы предстоящей операции. Начальство требовало результат, как всегда торопило и не желало знать, что помимо этой "работёнки" перед его отделом есть ещё много других текущих дел, которые тоже не терпят отлагательства. "Абвер", с завидным постоянством, забрасывал и засылал в Ленинград своих агентов, причём делалось это очень профессионально и нагло, чувствовалась старая кайзеровская школа, с её, отработанными до мелочей, методами работы. Сотрудников не хватало, многие ушли в действующую армию, а те, что остались, имели минимальный опыт оперативной работы. Туров уже не раз и не два подавал рапорты на имя Комиссара, чтобы отдел усилили людьми, желательно с каким-нибудь опытом оперативной работы.

Несколько раз Комиссар обещал прислать людей и только вчера вечером позвонили из кадрового резерва с радостным известием, что люди будут. Николай Николаевич не поленился и сам позвонил начальнику кадрового бюро, с которым уже много лет был на дружеской ноге и тот заверил его, что завтра с утра к нему в отдел придут из действующей армии два стажёра, со спец. курсами за плечами.

Что ещё за студенты-практиканты! Совсем как до войны! Не уважаешь ты меня, раз сопляков направил! Мне только их учить ещё времени не хватало! И так суток не хватает – через день ночью на диване у себя в кабинете! Не мог нормальных найти! начал кипятиться майор.

Николай Николаевич, ты не торопись с выводами! Отличных хлопцев к тебе отправил! Оба фронтовики, битые – я хотел сказать, что после госпиталя и награждены. Ты поговорку о битых и не битых, слышал? Знаешь?! Тогда забирай и не ворчи! Они тебе за четверых отслужат! Забирай, а то передумаю и отправлю в другой отдел, парировал упрёки друга кадровик!

Я тебе передумаю! Пусть приходят! Посмотрю, что за люди. Прощай, друг! закончил телефонный разговор майор.

А сегодня Туров их ждал.

Где же вы, парни боевые? Боевые говоришь... это хорошо! Кто же спорит... Лишь бы, головы у них в нужном направлении соображали. В нашем деле на первом месте должны быть именно логическое мышление, сообразительность, идеальная зрительная память и выдержка, про себя повторял прописные истины майор.

В дверь не сильно постучали и на пороге, со словами: Товарищ майор, к ВАМ пришли, появилась незаменимая Мария Петровна. Прикажете их пригласить в ваш кабинет? уточнила помощница.

Пусть проходят! разрешает Туров.

В начальственный кабинет вошли два командира в полевой форме, они в один голос произнесли:

Разрешите войти! Товарищ майор государственной безопасности... прибыли в ВАШЕ распоряжение! Разрешите представиться?

Проходите! Представляйтесь! приглашает новых сотрудников войти в кабинет начальник отдела.

Лейтенант Владимир Громкий, бойко рапортует командир, тот, что был меньше ростом, суше телом и на вид этакий живчик. На груди у командира блестит серебром пятак медали «За отвагу» и краснеет недавно введённая новенькая полоска красного цвета за лёгкое ранение.

Младший лейтенант Василий Хворостин, спокойным голосом представился более высокий, с мощным торсом и сильными руками крепыш, больше похожий на сельского парня, если бы не военная форма командира РККА. У Хворостина на груди блестит медаль-близнец, как и у Громкого.

Туров смерил вошедших командиров оценивающим взглядом: Ну что же вы на пороге застыли? Не стесняйтесь! Проходите в кабинет, вот туда к столу, отодвигайте стулья и рассаживайтесь. Будем знакомиться! этими словами начальник отдела встречает своих будущих подчинённых.

Майор дождался когда "стажёры" рассядутся на стульях, дал им привыкнуть к обстановке и, выдержав минутную паузу, и начал представляться:

Меня зовут Николай Николаевич Туров, я начальник от-

дела и с этой минуты являюсь вашим непосредственным командиром и товарищем. Теперь ВЫ, товарищи командиры, расскажите мне немного о себе... предложил Туров и даже немного улыбнулся.

Парни оказались не робкие и контактные. Каждый по отдельности, "стажёры" кратко рассказывали о себе, своей жизни, службе, где повоевали и как были ранены.

Затем Туров рассказал о работе отдела, объяснил, чем им придётся заниматься на новом месте, затронул самую специфику службы. Начальник дал понять, что дел очень много и первое время будет совсем нелегко. Особо подчеркнул, что опасностей здесь тоже хватает и не меньше чем на передке.

Первое впечатление – самое верное впечатление! О новых сотрудниках оно у майора сложилось хорошее. Турову импонировало, что парни успели повоевать, знают себе цену, обоим по двадцать пять лет и уже не юнцы. Из первой беседы он понял, что Громкий и Хворостин служить в тылу не очень хотят, т.е. все задания и приказы выполнять будут от и до, т.к. исполнительную дисциплину ещё никто не отменял. Майор точно знал, что пока он, в полной мере, не загрузит новичков работой, они не поймут, что здесь в осаждённом городе, с врагом идёт своя незримая война, только без передовой линии, флангов и тыла. Для начала он принял решение подключить обоих к операции по заброске "Путника" или агента № 318, именно такой псевдоним и кодовый номер были присвоены Горскому, в немецкий тыл. Командование

Ленинградского фронта как раз планировало в ближайшие дни начать наступательную операцию по де блокаде города. По задуманному плану "Путник" должен будет перейти на сторону немцев, будучи бойцом штрафной роты, т.е. сбежать с поля боя.

Для начала, пусть эти орёлики проводят Горского до линии фронта. Но проводить им его надо так, чтобы тот не догадался, что за его спиной будут наши соглядатаи, принял решение майор. Операция перехода всегда проходит сложно и не предсказуемо, неизвестно какие трудности могут возникнуть, поэтому при случае Громкий и Хворостин ему смогут помочь так рассуждал майор...

Обоим стажёрам он поставил задачу негласно подстраховать нашего сотрудника и "проводить" его до самой передовой, полагая, что такое задание поможет настроить новичков на серьёзную работу, выбросить из их голов всю дурь и предвзятое отношение к службе в отделе. Пока же Туров отправил стажёров найти коменданта, чтобы тот определил их в общежитие и показал место проживания, выдал матрац, подушку и бельё. Далее новоиспечённым сотрудникам предстояло встать на учёт, освоиться на новом месте и познакомиться с другими оперативными сотрудниками отдела. На завтра майор назначил время прибытия для детального согласования и уточнения плана, предстоящего им задания. В точно назначенное время Громкий и Хворостин представили майору свой план введения их в завершающий этап опера-

ции перехода "Путником" линии фронта. Новички не стали мудрить, а предложили задействовать себя в качестве бойцов отдельной штрафной роты 55-й Армии, в которую, по легенде, должны были определить "Путника". План подкорректировали, и Туров его утвердил, правда, майор категорически запретил им самим лезть в пекло боя, а лишь только издали понаблюдать за переходом.

Глава 12. Личное дело

Во второй половине дня, когда Громкий и Хворостин уже покинули начальственный кабинет и отправились на вещевой склад получать красноармейское обмундирование б/у и другую амуницию, делегат связи доставил для Турова из Москвы большой прошнурованный пакет с печатями, в котором находилось личное дело Владимира Горского. Николай Николаевич отсутствовал на рабочем месте, срочно отбив по неотложным делам и пакет, из рук в руки приняла Мария Петровна, расписалась в книге учёта, где положено, поставила печать. Допуск принимать такие "бумаги" у неё был. Туров появился в своём кабинете только вечером после разговора с Комиссаром и, едва переступив порог приёмной, сразу же обратил внимание, что секретарь хочет что-то сказать. Мария Петровна оторвалась от своей текучки и сообщила:

Николай Николаевич, я приняла почту у делегата связи и расписалась в книге приёма спец. документов. Сейчас достану из сейфа здоровущий пакет и отдам лично ВАМ в руки.

После этих слов она открыла одну из дверей встроенного шкафа, в котором был искусно встроен средних размеров сейф, не видимый посторонними при закрытых створках дверей. Затем, выдвинув на себя ящик стола, помощница извлекает наружу связку ключей, безошибочно находит

нужный, вставляет его в замочную скважину и, поколдовав с шифром, открывает тяжёлую сейфовую дверь. Из недр сейфа Мария Петровна извлекает прошнурованный пакет с печатями на вощёной бумаге, который сразу же отдаёт Турову в руки. Получив почту, Николай Николаевич направляется к себе в кабинет, где плотно прикрыл дверь, снимает верхнюю одежду и, небрежно кинув её на диван, садится за рабочий стол. Сильными пальцами, он ломает сургучные печати на конверте и вскрывает шнуровку. Несколько минут майор тратит на то, чтобы расшнуровать конверт и вытащить из плотной бумажной упаковки плотную папку, на лицевой стороне которой было оттиснуто "ЛИЧНОЕ ДЕЛО", в верхнем углу синел штамп "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО", в графах ФИО красивым почерком написано "Горский Владимир Вячеславович". В графе ниже майор прочитал старый оперативный псевдоним Горского, "СТРАННИК".

Прежде чем углубиться в изучение личного дела, Туров встаёт со стула, проходит к окну и задёргивает плотные шторы, выключает в кабинете верхний свет и нажимает на клавишу включения настольной лампы. От абажура лампы идёт мягкий ровный свет, который освещает только небольшое пространство у письменного стола. Из ящика стола он достал коробку с папиросами, спички, чистая пепельница стоит на сукне в углу стола. Николай Николаевич раскуривает папиросу, делает глубокую затяжку, в потолок устремляется облако дыма, потом смакуя, он затягивается во второй раз,

стряхивает пепел на медное донце пепельницы и, глядя на лицевую обложку папки, негромко произносит:

Тогда тебя окрестили в "СТРАННИКА", мы назвали "ПУТНИК" и получились сплошные путешественники, пока только "ТУРИСТА" не хватает.

Туров скуривает папиросу, тушит окурок, отправляет его в пепельницу и начинает развязывать тесьму на папке. Развязав узел, он раскрывает папку и, листая страницы, начинает просматривать её содержимое. Среди прочих "бумаг" на глаза попадает необычное удостоверение, которому скорее подходит название – "справка". В левом верхнем углу чёрной тушью оттиснут квадратный штамп, рядом подпись секретаря и номер. На бумаге было написано, что "...настоящее удостоверение выдано тов. Горскому В.В. в том, что он действительно участвовал 18 марта 1936 года в конном переходе отряда пограничников по маршруту ВОРОШИЛОВ-ХА-БАРОВСК. За успешный конный переход Президиум Областного Совета Осоавиахима и Обком ВЛКСМ награждают тов. Горского В.В. кавалерийскими шпорами и противогазом, что и удостоверяется. Внизу: Председатель Уссурийского Областного Совета Осоавиахима / Перкель/ и подпись. Ещё ниже: Секретарь Обкома ВЛКСМ /Ларин/ и подпись. Удостоверение дополняет круглая печать с пятиконечной звездой в центре. По кругу печати хорошо читалась надпись – "Уссурийский Обл. Совет Осоавиахима".

Да ты, братец, ещё и в лошадках неплохо разбираешься, к

тому же кавалерист знатный, раз призовые шпоры имеешь! А ведь мне, при знакомстве ничего о них не сказал, как не сказал, что был награждён именным наганом, про себя восхищается Туров.

Читая и перелистывая страницы, среди других бумаг майор обратил внимание на ещё одну очень краткую справку, пронумерованную и аккуратно подшитую к делу. В справке красноречиво говорилось, что выпускник особой школы специального назначения, сержант ГБ Горский В.В. после неудачной заграничной командировки с 20.09.1939 года находился под следствием, которое было закрыто 15.05.1940 года в связи с отсутствием состава преступления, после личного вмешательства в дело Наркома НКВД Л.П.Берия! Резолюция Наркома убедительна! Так же к этой справке прилагалось поручительство о том, что за тов. Горского В.В. лично ручается, не кто, иной, как товарищ Корпусной Комиссар Л.З.Мехлис, о котором среди командиров РККА ходила дурная слава! В поручительстве стоит дата – 27.03.1940 года.

А этот-то, как сюда попал? Он же рубит головы налево и направо! Я помню его по Зимней войне, как скорого на расправу человека, невольно возник вопрос в начальственной голове о Мехлисе. Майор вспоминает крутой нрав Мехлиса, потом размышляет ещё: Кто ты, на самом деле, товарищ Странник-Путник, раз тебе помогают такие люди? А может зря я всё это затеял, и для этого задания надо было найти кого-нибудь другого? тень сомнения мелькает на какой-то миг

в голове Турова. Да нет, всё нормально! Парень попался стоящий, и к тому же скромняга.

Остальные бумаги в личном деле были прозрачны и понятны. Помимо прочего Туров прочитал автобиографию Горского, написанную несколько лет назад ещё округлым школьным почерком. Следом за ней была подшита характеристика, написанная начальником пограничной заставы. Отличная надо сказать характеристика – умеет хранить государственную и военную тайну.... зарекомендовал себя как умелый и решительный воин, принимал участие в задержании.... Командованием объявлена благодарность в приказе... всегда аккуратен и подтянут, в строевом отношении... прекрасно развит физически... в общественной жизни пограничной заставы принимал активное участие...

В личном деле "нашлась" комсомольская характеристика за подписью Начальника Политического отдела Пограничного отряда, из которой следовало, что данный боец, член ВЛКСМ, политически грамотен, постоянно совершенствуется и работает над... и так далее.

Свидетельство об окончании специальной школы особого назначения и приказ о присвоении специального звания сержант ГБ говорило о серьёзной подготовке этого человека.

Туров прочитал, что после школы Горский, которому был присвоен оперативный псевдоним "Странник", и он был откомандирован в распоряжение Минского разведывательного отдела НКВД БССР для выполнения ответственного зада-

ния. Тут же прилагалась и обязательная карта с отпечатками пальцев рук и другими метрическими данными курсанта, заполняемая при поступлении в "спец. школу".

Далее в деле был большой временной пробел, а потом на глаза попала справка, из которой следовало, что тов. Горский за участие в боевых действиях против белофиннов награждён недавно введённым на тот момент нагрудным знаком "Отличник РККА" и именован оружием. В справке было написано, награждение производил лично товарищ Мехлис. Внизу листа стояла дата – 12.05.1940 года. Прочитав справку, Туров понял, "каким боком здесь оказался Мехлис" и как он повлиял на судьбу Горского. Практически всю финскую кампанию Лев Захарович не вылезал из окопов и траншей переднего края действующей армии, скорее всего на полях сражений их и свела вместе военная судьба. Сопоставив даты нескольких документов, майор обратил внимание на то обстоятельство, что Горский, будучи под следствием, да ещё по такой серьёзной статье, как убойная 58-я, умудрился попасть на фронт. А ведь "дело" на него закрыли только в мае 1940 года. Получалось так, что Горскому удалось каким-то образом сбежать из-под следствия, легализоваться, под чужим именем попасть на Карельский перешеек, выжить в том ледяном аду и ещё проявить героизм в бою. Лев Захарович заступаться абы за кого, не стал! Их пути, вероятнее всего, пересеклись где-то на поле боя, когда Корпусной комиссар, как когда-то в Гражданскую войну, лично поднимал наших

бойцов в атаку и в передовой цепи наступающих шёл на финские пулемёты!

Из другого документа было кратко написано, что "дело" закрыто, все обвинения сняты, товарищу Горскому В.В. возвращено прежнее специальное воинское, что он восстановлен в членах ВЛКСМ без потери стажа и направлен в командировку в один из отделов Управления НКВД в города Бреста, Белорусской ССР...

Понятно, что в Брест его направили как специалиста, знающего местную обстановку и, скорее всего, подальше от начальства. Как говорится с глаз долой, но при деле. А в предвоенной Белоруссии дел нашему брату хватало! продолжает размышлять Туров.

Дальше были подшиты документы начала войны, из которых майор узнал, что во время лечения в госпитале Горский проходил тщательную проверку...

На ведомственный запрос от 10.09.1941 года был лаконичный ответ, что относительно судьбы сержанта ГБ Горского В.В. сведений нет. Так же в ответе было расплывчато сказано, что в середине июня 1941 года для выполнения специального задания командования Горский был откомандирован на одну из пограничных застав 17-го Брестского Пограничного Отряда. С 22-го июня 1941 года о судьбе запрашиваемого сведений нет...

Второй запрос был сделан в Управление ПВ НКВД СССР. В ответе сообщалось, что 25.09.1941 года был Приказ НКВД

за N 001379, из которого следует, что 17-й Брестский Пограничный Отряд переформирован по новому штату в 17-й пограничный полк по охране тыла Юго-Западного Фронта. Командиром полка назначен бывший начальник 17-го Пограничного Отряда майор Кузнецов А.П.. Многие военнослужащие Пограничного Отряда погибли при выходе из окружения, получили ранения и были отправлены на лечение в разные госпитальные учреждения. Часть уцелевших бойцов и командиров этой части в связи с переформированием, отправлены служить в другие части и подразделения НКВД по охране тыла фронта. Далее было написано, что на дату ответа на запрос нет возможности что-то выяснить о судьбе запрашиваемого товарища. По имеющимся в наличии обрывочным сведениям о пограничной заставе, на которой находился в командировке тов. Горский, переданными командованием 17-го пограничного полка, известно, что с той заставы удалось пробиться небольшой группе пограничников во главе с лейтенантом Забожаевым. Известно лишь то, что с рассвета 22-го июня 1941 года заставка вела бой и обороняла Государственную границу в течение 12-ти часов, затем после соответствующего приказа остатки личного состава отступили в сторону Пограничной комендатуры. Большинство пограничников этой заставы погибли или пропали без вести. Сведениями о судьбе сержанта ГБ Горского В.В. командование полка не располагает. Ответ на запрос подписал уполномоченный ОО НКВД, далее шли звание, фамилия, под-

пись и большая круглая печать. К запросу была приложена выписка из Приказа N0073 от 08.12.1941 года (г.Воронеж) по личному составу, в которой были перечислены исключённые из списков войск НКВД по охране тыла фронта бойцы, командиры и политработники, убитые или пропавшие без вести в боях с немецко-фашистскими захватчиками в приграничных боях. Читая этот ответ, Туров обратил внимание, что несколько фамилий были подчёркнуты красным карандашом. Он прочитал эти фамилии – политрук ПЗ 17-го ПО Сороковин, начальник заставы 17-го ПО мл.лейтенант Боголик, нач.1-го отдела штаба 17 ПО капитан Гринченко, старший политрук из отдела пропаганды ПО Гречихин...

Зачем сюда выписку с погибшими приложили? В нашей "конторе" просто так ничего не делается? ломал голову майор.

Ответ нашёлся после того, как Туров прочитал показания Горского, снятые с него следователем уже в подмосковном госпитале. Согласно этих показаний сержант ГБ Горский, под видом сержанта артиллерии вместе с ещё двумя красноармейцами, в середине июня 1941 года был отправлен со специальным заданием на пограничную заставу 17-го Краснознамённого Брестского Пограничного Отряда, командовал которой младший лейтенант Боголик, а его заместителем по политической части был политрук Сороковин. Ниже было написано, что 22 июня 1941-го года товарищ Горский был на заставе, где и встретил начало войны с Германией, принимал

участие в отражении вражеского вторжения на территорию СССР. Далее было отступление в глубинные районы страны, окружение и нахождение на временно оккупированной врагом территории.

С конца июля 1941-го года из таких же, как сам, окруженцев и местных жителей, товарищ Горский организовал партизанский отряд "СМЕРТЬ ВРАГУ!", активно действовавший в Западной Белоруссии. Отряд был организован как самостоятельное отдельное подразделение РККА, имеющее своё знамя и журнал боевых действий...

Подтверждением служила немецкая листовка, написанная на трёх языках, в которой немецкое командование обещало приличное вознаграждение за пойманного или убитого главаря шайки бандитов "товарища Хмара".

Видимо отряд сильно насолил новой власти, раз немцы предлагали: 5000 немецких марок, 20 пудов пшеницы, 1 пуд соли, земельный надел в размере 2-х ГА и экскурсионную поездку в Германию сроком на 10 дней. Листовка датировалась концом ноября 1941 года.

Чего же ты там такого в немецком тылу натворил "товарищ Путник-Хмара", что эти скупердяйные немцы готовы были столько отвалить за простую голову? Прямо какой-то Северо-Американский ковбойский вестерн! с невольным восхищением произносит Туров, не переставая удивляться жизненным поворотом судьбы этого парня. Из личного дела майор узнал, что во время лечения в госпитале Гор-

ский проходил тщательную проверку. Этой проверкой было установлено, что партизанский отряд, руководимый сержантом ГБ Горским, провёл ряд успешных операций и диверсий во вражеском тылу, которые, по мнению командования РККА, повлияли на общий ход зимнего наступления группы немецких армий "ЦЕНТР". Сведения, доставленные в Штаб партизанского движения и сразу же переданные в ГШ РККА, имели особую ценность. По итогам боевой деятельности партизанского отряда "СМЕРТЬ ВРАГУ!", на основании части журнала боевых действий отряда был составлен подробный отчёт, проверенный и подтверждаемый другими источниками.

Тогда же товарищу Горскому В.В. было присвоено специальное звание младший лейтенант ГБ и направлено представление на награждение его правительственной наградой.

Из дальнейших показаний следовало, что в середине мая 1942-го года главное место базирования отряда было раскрыто, окружено элитным специальным подразделением немецких войск и, после длительного боя, отряд "СМЕРТЬ ВРАГУ!" перестал существовать как боевая единица. Прорваться через плотное кольцо окружения удалось лишь нескольким бойцам отряда и командиру, причём все счастливицы были ранены. Партизаны отсиделись на болоте и через несколько суток добрались до места расположения партизанского отряда специального назначения под командованием "товарища П.". После оказания первичной ме-

дицинской помощи Горский, вместе с другими ранеными и больными партизанами, 18-го мая 1942-го года с полевого аэродрома были доставлены транспортным самолётом на Большую землю и размещены по тыловым госпиталям. В подтверждение этих показаний была "подшита", непонятно как оказавшаяся в деле вместе с листовкой, ещё одна интересная "бумага", переведённая на русский язык, которую Туров тоже решил прочитать:

**"БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!**

Начальнику службы по охране тыла IV-й полевой Армии
Полковнику Шлехту.

Господин полковник! Докладываю вам, что 12-го мая 1942 года мною была проведена специальная войсковая операция по ликвидации регулярного отряда Красной Армии, заброшенного в наш тыл ещё в июле-августе 1941 года. Эта советская регулярная воинская часть дислоцировалась и действовала в районе Чёрненского лесного массива. Отряд в полной мере использовал все средства для достижения высокой степени маскировки на местности, что мешало нам длительное время раскрыть его местоположение. Дополнительно хочу сообщить, что в этот отряд мы не имели никакой возможности осуществить внедрение наших агентов.

Только 03-го мая, задействовав особую эскадрилью глубинной разведки "Люфтваффе", удалось установить точное

место расположения этой диверсионной части особого назначения.

Далее к операции была подключена специальная ягд-команда под командованием обер-фельдфебеля Гарнике, которая совершила рейд в Чёрненский лесной массив. Команда обнаружила лагерь, вскрыла подходы к нему, полностью выявили всю систему охраны и посты наблюдения, скрытно выполнила частичное разминирование территории, зафиксировав проходы через минные поля в том месте, где не было движения групп противника. Действие подразделения обер-фельдфебеля Гарнике при проведении разведывательного рейда заслуживают самой высокой оценки.

Утром 10-го мая в моё распоряжение прибыл батальон под командованием майора Грефа, выделенный из состава горно-егерской дивизии, следующей на восточный фронт, военнослужащие которого умеют вести боевые действия в условиях бездорожья, горной местности и в лесных массивах. В середине того же дня, в целях дезинформации батальон убыл из города на автомашинах, якобы к новому месту своей постоянной дислокации. К вечеру подразделения батальона были доставлены на юго-западную окраину Чёрненского лесного массива, в деревню Гряды, которая находится в 15-ти километрах от выявленного расположения лесного лагеря большевиков. Подразделения батальона успешно разгрузились в деревне, предварительно окружив её со всех сторон плотным кольцом секретов и постов.

В 05-00 11-го мая подразделения батальона вышли на исходные позиции и по сигналу вошли в лесной массив.

Егеря из ягд-команды обер-фельдфебеля Гарнике, приданные батальону на время проведения операции, скрытно приблизились к сторожевым постам русских, с помощью специальных приспособлений для бесшумной стрельбы успешно ликвидировали наблюдателей на площадках, установленных в кроне деревьев.

Во время скрытного уничтожения наземных постов боевого охранения лагеря, солдаты взвода разведки использовали штатное холодное оружие.

При развёртывании в цепь основных подразделений батальона, рядовой 1-го взвода 2-й роты Маер случайно задел ногой проволочную растяжку сигнальной свето-шумовой гранаты. Произошёл подрыв заряда, и фактор неожиданности был потерян.

Подразделения батальона начали общую штурмовую атаку лесного лагеря. Следует отметить, что территория лагеря была оборудована круговой обороной, с отрытыми траншеями полного профиля, пулемётными и стрелковыми ячейками. Все полевые укрепления были тщательно скрыты и замаскированы.

Противник оказал жесточайшее сопротивление. Несмотря на численное превосходство и использование ротных 50-мм. миномётов боестолкновение продолжалось более десяти часов. Как удалось установить после завершения опера-

ции, на вооружении противника оказалось 10-ть пулемётов различных систем, в том числе одна счетверённая зенитная установка с пулемётами системы "максима", установленная на прямую наводку, и одно орудие "Рак-37". Огнём счетверённой установки было убито, ранено и рассеяно более 40% личного состава 2-й роты. Командир роты обер-лейтенант Штраус и все офицеры были убиты. С другой стороны лагеря наступление 1-й роты под командованием гауптмана Бюхнера было остановлено осколочными снарядами, выпущенными из орудия. 3-я рота, под командованием обер-лейтенанта Бергмана, пыталась преодолеть небольшой ручей, протекающий перед вражеской обороной, но попала в хорошо подготовленную минную ловушку. После того, как солдаты 1-го взвода роты преодолели ручей и устремились к вражеской траншее, в двадцати метрах от неё раздалось несколько мощных взрывов фугасов, вместе со стеной огня от большого количества горючей смеси.

Оставшиеся в живых солдаты взвода были немедленно расстреляны практически в упор перекрёстным огнём из пулемётов "MG-34"...

Исход операции решили умелые действия командиров и солдат расчётов миномётных отделений рот, сумевших засечь и уничтожить расчёты пулемётной установки и орудия, практически израсходовав двойной боезапас мин.

Несколько раз солдаты врываются во вражеские траншеи, но в ходе кратковременных схваток ближнего боя были ча-

стично убиты или отброшены на исходные позиции за траншеи. После того, как основные очаги сопротивления были ликвидированы, группа русских, состоящая из нескольких человек, умело используя автоматическое оружие и ручные гранаты, сумела прорвать кольцо и, преодолев заминированный участок, уйти в болото. На наших картах это болото обозначено как непроходимое. Прикрывать отход группы остался один смертник, вооружённый ручным пулемётом "ДП-27" и ручными гранатами, который впоследствии был убит нашим снайпером. Скрывшиеся в болоте солдаты противника были обстреляны из миномётов и вероятнее всего погибли.

К 18-00 операция была полностью завершена. Диверсионный отряд красных и их лесной лагерь перестали существовать. Противник потерял убитыми 39-ть человек, раненых нет. К моему сожалению, опознать среди тел убитых, кто командир отряда, комиссар и помощники, пока не представилось возможным – все военнослужащие одеты в униформу без принятых в большевицкой армии знаков отличия.

В ходе войсковой операции захвачены артиллерийское орудие "Рак-37", счетверённая пулемётная установка. Также нами было уничтожено или выведено из строя:

- один станковый пулемёт системы "максима",
- четыре пулемёта "MG-34",
- два пулемёта "ДП-27".

Из стрелкового оружия солдатами собрано:

- автоматических пистолет-пулемётов "ППД/ППШ" – 2/3

шт., "MP-38/40" – 12/6 шт., винтовок СВТ-40 -4 шт.,
– винтовок "Мосина" – три ящика и более 5000 патронов
к ним,
– карабинов 98К-20 шт.,
– около сотни ручных гранат различных систем, патроны
для автоматического и стрелкового оружия.

Отдельно учтены:

- три револьвера системы "Наган",
- два пистолета "ТТ",
- восемь пистолетов "Р-08",
- три пистолета "Р-38".

Наши потери составили:

- убитыми – 2 командира роты и 5 офицеров, 93 ун-тер-офицеров и солдат.
- получили ранения различной степени тяжести – 102 во-еннослужащих "Вермахта".

Комендант города N-n гауптман Блейнер.

12-е мая 1942 года"...

Интересно, как и откуда попал в личное дело этот рапорт? размышлял Николай Николаевич, дочитав рапорт до конца и вернув листы бумаги в папку, потом снял с носа очки, взял их в руки и стал протирать тряпочкой стёкла. Не прошло и минуты, как в голове нашёлся ответ: Очевидно, другой наш отряд, действующий где-то рядом, в ходе проводимой операции уничтожил грузовик с почтой или машину со спец-

связью. Унесли с собой много ценных для командования документов. Самые ценные документы были переправлены на Большую землю...

Просматривая личное дело Горского, Николай Николаевич допоздна засиделся в своём кабинете и решил, что ехать домой уже нет смысла, а лучше остаться ночевать у себя, в кабинете, на стареньком кожаном диване. Он снял ремень, расстегнул пуговицы на вороте и на рукавах гимнастёрки, достал из шкафа войлочные тапки, не торопясь снимал с ног хромовые сапоги, активными круговыми движениями размял стопы ног, затем поочерёдно засунул их в теплоту тапок и отнёс сапоги к окну.

За окном была тёплая летняя ночь, с Невы ветерок заносил прохладные потоки воздуха на пятый этаж в приоткрытое окно. Сегодня не было слышно никакой канонады, видимо немецкие артиллеристы тоже наслаждались хорошей августовской погодой и не захотели её портить даже своим врагам. Майор перед сном надумал выкурить папироску, что он и сделал, достав из карманов спички и коробку папирос, поставил поближе пепельницу, зажёл огонь, раскурил папиросу, глубоко затянулся и с довольным видом выпустил из легких сизый дымок. Ещё немного постояв у окна, Туров поправил маскировку, ещё раз потянул в себя папиросный дым, взял в руку пепельницу и проследовал к дивану, на который прилёг, даже не озаботившись снять тапки и вытащить папиросу изо рта. Какое-то время он так и лежал с закрытыми гла-

зами, наслаждаясь табачным дымом, который выпускал прямо в потолок, ещё раз запоминая и откладывая в своей памяти прочитанные листы из личного дела Горского. Тускло горит на рабочем столе сорока свечовая лампа, укрытая зелёным абажуром, на паркетном полу у дивана стоит пепельница, рядом пристроились коробка папирос и спичечный коробок, тут же лежит тапок, слетевший с одной ноги. Для себя Туров уже давно понял, что другую кандидатуру искать больше не нужно и этот везунчик Горский как нельзя лучше подходит по всем предъявляемым требованиям.

А Сомов у меня большой молодец! Какого парня нам удружил! Надо будет его как-то отметить... Сейчас бы встать, да погасить свет на столе, но так не хочется подниматься со своего уютного дивана и просто лениво... с такими мыслями Николай Николаевич начал засыпать. Прежде чем заснуть, у него ещё хватило сил положить в пепельницу догоревший до бумажного мундштука окурочок и повернуться на бок.

Глава 13. Начало пути

Утром 23 августа 1942 года, меня, вместе с другими бе-долагами, попавшими под суровый приказ, вывели из зда-ния гарнизонной гауптвахты, что находится в начале Садо-вой улицы и под конвоем сержанта с двумя красноармейца-ми, повели на сборный пункт, который, по слухам, находится где-то на Фонтанке. Так начала свой фактический отсчёт на-ша операция под кодовым названием "Тропинка". Мы шли совсем без строя, прямо по улицам ещё не ожившего горо-да, часовые шли рядом, как будто приставлены для видимо-сти – ну идут себе бойцы куда-то по своим делам, у двоих мосинские винтовки, ещё у одного автомат ППД. Потрёпан-ным обмундированием удивлять было некого. Как и у других бойцов, на мне одето обмундирование б/у, без знаков разли-чия, разношенные лично кожаные ботинки с обмотками, за спиной ватника без ворота болтается тощий вещевого мешок, поясной ремень выдали брезентовый с грубо пришитой ко-жаной накладкой в месте соединения с зубом пряжки. Сер-жант попался нормальный, не орал и не залупался по пустя-кам, один раз объяснил всем, что идти час или чуть дольше и чтобы мы его не подводили, а то огребём по самые помидо-ры. По улице идём не в ногу и молчим – у каждого в голове свои мысли. Мне вспомнился разговор с Майором Туровым в его кабинете, когда я согласился на участие в операции...

Вы, младший лейтенант, давайте мне тут без стеснения, действуйте одним словом! Хочу знать ваше видение предстоящей операции, доложите мне свои соображения или дополнения к легенде. Сам же говорил, что нужна убойная дезинформация, чтобы эти господа из Абвера натурально повелись, клюнули и соответственно во всё поверили, в конце Туров перешёл на "ты".

Разрешите, товарищ майор... спрашиваю майора, который в ответ машет рукой, давай мол, говори без чинов. Тогда придётся многим жертвовать или сделать правдоподобный вид, что мы понесли невосполнимые потери. Я бы хотел ещё немного подумать. Разрешите?

Хватит времени до завтрашнего утра? задаёт вопрос майор.

Да, хватит, отвечаю.

Тогда идите и думайте! Завтра утром жду от вас решений. Причём, чтобы всё было оформлено в письменном виде. У Марии Петровны получите предписание, куда вам надлежит прибыть для дальнейшего прохождения службы. Там в пакете всё указано – новый адрес, где будете жить и готовиться к заброске, продовольственный аттестат выписан на Ваше имя, карточки на продукты и на посещение столовой. Связь будем держать через нашего сотрудника, с который приносил продукты и билеты в театр, перед тем как отпустить меня, произносит майор, подразумевая в своих последних словах сержанта Игоря Шарий.

Я ходил по городу и думал, думал, пока шёл за своими вещами на старый адрес, думал, когда записывал на бумаге мысли и ещё много, много думал...

Утром следующего дня на зелёном сукне начальственного стола лежали мои, убойные соображения и дополнения. В то утро мы хорошо поговорили, и я очень сильно озадачил товарища майора своими идеями. Сначала Туров, сомневаясь во многом из предложенных мной идей, начал возражать и говорить, что многие из них не реально выполнить, да и строгое начальство не позволит городить такой огород!

Но ведь Туров работник опытный, не зря ведь с самим Дзержинским, ещё на Гороховой два, начинал ставить работу наших органов, потом всё понял и поддержал почти все мои предложения!

Потом в моей памяти вспомнился ещё один наш разговор, когда я пришёл в начальственный кабинет перед самой моей экскурсией на гауптвахту Ленинградского гарнизона. В приёмной было пусто, только Мария Петровна что-то щёлкает клавишами своей пишущей машинки. Увидев меня, помощница отрывается от своей нескончаемой работы и произносит: Товарищ Горский? и после моего бодрого ответа, Так точно! Прибыл! разрешает пройти в кабинет. Пройдите в кабинет, товарищ майор вас ждёт, затем женщина снова занялась своими делами.

Я негромко стучу в массивную, не меньше десяти сантиметров по толщине, дубовую дверь, легко открываю её и захо-

жу с докладом в начальственный кабинет: Товарищ майор Государственной безопасности, разрешите войти... и, услышав в ответ: Да, входите, прохожу внутрь, закрывая за собой дверь.

Мы приветствуем друг друга и начинаем обсуждать ещё и ещё раз разные детали и мелочи предстоящей операции. Туров, сидя на своём стуле, карандашом быстро что-то пишет на листе бумаги, потом встаёт и подходит к плотным бордовым занавескам и раздвигает их в разные стороны. Моему взору открывается висевшая на стене большая оперативная карта Ленинграда, ближайших пригородов и даже областных городов. На карте были видны нарисованные обозначения в виде стрел, кружков и линий красного и синего цвета.

Володя, подойди ближе к карте. Вместе посмотрим, что у нас тут наши полководцы навоевали! он небрежно тыкает пальцем правой руки куда-то в правую нижнюю часть карты. – Сейчас середина августа и Гитлер, окрылённый победами под Харьковом, в Севастополе, на Кавказе и на Волжской равнине, непременно навалится на Ленинград. Они уже перебросили к нам из Крыма освободившиеся части и артиллерию. Будь уверен, что скоро должен начаться штурм города. Мы располагаем данными, что второе генеральное наступление начнётся в середине сентября, когда Манштейн придет из своего отпуска. Вероятнее всего они ударят вот с этого направления – рука майора обводит красный кружок, нарисованный на карте, которым выделено направление от

Усть-Тосно до Ям-Ижоры – Места равнинные, дороги хорошие, крепкие, не раскисшие от дождей и их много, что очень удобно для движения и перегруппировки танков и другой техники. Про выучку их пехоты я вообще скромно молчу! Туров на несколько секунд замолкает, разглядывая обозначения на карте, потом продолжил говорить: Исходя из анализа складывающейся ситуации, командование двух фронтов замыслило операцию по деблокаде города уже в этом месяце. Поэтому наши войска под командованием генерала Мерцкова – есть такой талантливый и решительный генерал, за что и пострадал в своё время, а теперь командует Волховским фронтом, начнут наступление с целью прорвать вражеское кольцо в районе Гайтолово и Синявино, а навстречу им должны ударить войска Ленинградского фронта в районе Усть-Тосно и Арбузово. Вот в этом месте всё и завертится, уже начинает вертеться!

Да, дела! Лишь бы только хватило сил... разглядывая карту, озабоченно произношу несколько слов.

Теперь пару слов скажу о наших с тобой делах. Для перехода на ту сторону придётся тебе, Володя, прибыть на передовую. Для перехода самое удобное место в болотах под Сапёрным или Усть-Тосно. Надо не просто туда прибыть, а в составе маршевой штрафной роты немного поучаствовать в боях, и уже потом, под видом перебежчика перейти на немецкую сторону, рассказывает мне Туров.

Что за зверь такой, эта штрафная рота? Что-то новое при-

думали? с интересом спрашиваю майора.

Да нет, всё новое, это хорошо забытое старое. Тебе знаком июльский Приказ N 227, читал его?

Нет, не читал. Но слышал, что был издан такой суровый приказ, в подтверждение своих слов ещё и отрицательно мотаю головой.

Сам Верховный подписал этот приказ! Суть сводится к тому, что теперь для всех, без приказа – ни шагу назад! Отступать запрещено! Заслушание сразу же ставят к стенке, невзирая на чины и награды! Сильный приказ! майор кратко разъясняет мне самую суть...

Слова Турова тогда произвели на меня очень сильное впечатление. Действительно, очень сильный приказ!

Есть одна просьба. Разрешите обратиться товарищ... спрашиваю разрешение у старшего по званию, но Туров прерывает меня: Да брось ты эту субординацию и говори, что надо сделать? Если в моих силах помочь – не сомневайся, выполню! Ты, Володя, давай не стесняйся и говори!

Начинаю излагать ему свою просьбу:

В перерывах между занятиями одной моей знакомой девушке я написал десять писем на её полевую почту, правда, поставил разные даты, а письма передал старушке на вахте у лифта, в доме, где раньше жил. Её Анна Андреевна зовут. Мало ли, что может случиться. У меня просьба присмотреть, чтобы эти письма регулярно отправлялись. Мне было бы легче во вражеском тылу, если бы я был уверен, что моя девуш-

ка примерно раз в месяц получает от меня весточку. Эта девушка мне очень дорога. Такая просьба выполнима? В письмах даже намёка нет, где я и чем занимаюсь...

А девушку зовут Мария и она медичка, вернее санинструктор в звании старшего сержанта медицинской службы, и ты с ней ходил на концерт, так? с интригующей улыбкой на лице интересуется Николай Николаевич.

Да! А вы, товарищ майор, откуда знаете? смущённо отвожу глаза в сторону...

Мы своих секретов не раскрываем! продолжает загадочно улыбаться Туров Не беспокойся, я тебе обещаю, что девушка получит все твои послания и мы с Анной Андреевной тебя не подведём! За Марию тоже не беспокойся, мы её из виду не потеряем. Володя, ты должен полностью доверять мне! заверил и успокоил меня в тот день майор Туров.

Так за воспоминаниями и время незаметно пролетело – мы пришли на сборный пункт. Набережная реки Фонтанки, дом 90, прочитал надпись на табличке обшарпанного дома с окнами, наглухо забитыми не тёсаным горбылём. Строгий часовой, проверив документы, пропускает нас через главные ворота в здание, и мы проходим во внутренний двор сборного пункта. Тут былолюдно. Наш сержант достал из своего вещевого мешка пакет с личными делами, под роспись сдал его дежурному командиру, пожелал всем нормально поводить, выкурил с бойцами самокрутку, как-то сразу попрощался со всеми и ушёл. Нас определили на постой в подваль-

ное помещение с низким потолком, сырыми стенами, каменным полом и парой лампочек без экрана. К потолку лампы подвешены прямо на шнурах и тускло освещают только расположенные под ними части подвала. Пахнет плесенью и сыростью. Внутри подвала обустроены трёхъярусные нары из досок, причём, последний ярус упирается почти в потолок. Жизнь продолжается дальше!

Двое суток мы пролёживали бока и ждали отправки. Кормили два раза в сутки – завтрак и ужин. Узнав, что привезли штрафников, к нам приходило много разного служивого люда, желая посмотреть, что это за вояки такие тут "поселились", но убедившись, что в подвальном помещении "живут" обычные парни, интерес явно угас. Правда, бывало, что пришедшие делились куревом, немного зубоскалили, травили разные истории и анекдоты, куда же без этого в мужской компании, но соболезнований и соплей не было. Всё знали, что на фронте, рано или поздно, окажутся все здесь присутствующие. На сборный пункт постоянно прибывали и убывали люди. Наш подвальчик тоже постепенно заполнился осужденными бойцами и командирами. Люди прибывали из разных частей и подразделений, обороняющих город. На вторые сутки нашего сидения прислали большую группу штатских мужиков, даже не обмундированных в военную форму. Из разговоров мы быстро выяснили, что гражданские тоже попадают под действие июльского приказа и их теперь вместо тюремного срока отправляют на фронт...

Хочу заметить, что до сентября-октября 1942 года Военный Трибунал Ленфронта судил бойцов и командиров, приговаривая их к 5-10-ти годам заключения, заменяя тюремный срок отбыванием наказания личным участием в боях, на самых опасных участках линии фронта. Первое штрафное подразделение в РККА было создано именно на Ленфронте, ещё за три дня до опубликования официального июльского приказа. Угодить в штрафную можно было за различные большие и малые грехи, такие как трусость на поле боя, не исполнение приказа, пораженческие настроения, пропажу продуктов или порчу имущества и техники, а так же многие другие проступки. Всех осужденных понижали до звания рядового бойца переменного состава штрафного подразделения и отправляли искупать вину перед Родиной своей кровью. В августе 1942 года, когда накал боёв по прорыву блокады достиг своего пика, и людей в боевых порядках катастрофически не хватало, в штрафные роты направляли всех без разбора. Можно было встретить разжалованных командиров, красноармейцев, моряков Балтфлота, служащих и рабочих с заводов, попадались даже уголовники. Всю эту людскую массу наскоро переписывали, вооружали чем придётся и сразу же бросали в самое пекло боёв, затыкая штрафниками образовавшиеся дыры и прорехи в наступающих частях...

28 августа после завтрака нас всех построили во дворе пункта, провели переключку и объявили, что через трид-

цать минут мы пешей колонной выдвигаемся к новому месту службы. В строю оказалось 42 человека бойцов переменного состава. Через тридцать минут прибыло целое конвойное отделение во главе с сержантом, которому комендант вручил мешок с нашими документами и мы, построившись в колонну по три, отправились искупать свои грехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.